

Алексей
Лухминский

БЭТМЕН
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

Алексей Лухминский
Бэтмен нашего времени

«Геликон Плюс»

2014

Лухминский А. Г.

Бэтмен нашего времени / А. Г. Лухминский — «Геликон Плюс»,
2014

Во все времена жизнь ставит человека перед выбором, как поступить: прийти кому-то на помощь, или пройти мимо, старательно не замечая чужую беду. Людей, которые, жертвуя многим, бросаются помогать, мы порой снисходительно называем бэтменами, рыцарями. Часто ли задумываемся: что означает такая снисходительность? Кто он, рыцарь без страха и упрёка, бэтмен нашего времени? Ради чего ввязывается в драки, защищая чью-то честь, рискует своей жизнью и любовью? Почему вчерашние враги порою оказываются ближе ненадежных друзей?

© Лухминский А. Г., 2014

© Геликон Плюс, 2014

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	26
Часть 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алексей Лухминский

Бэтмен нашего времени

© Лухминский А., текст, 2014

© Геликон Плюс, оформление, 2014

* * *

Часть 1

Маменькин сынок

– Ты где болтался?! Отвечай! Отвечай, дрянь ты этакая! – мать в халате, растрёпанная, вышла в прихожую на звуки моего возвращения. – Что молчишь?

– Гулял... – неуверенно отвечаю я, поскольку очень не хочется признаваться, что опять был в гостях у Анжелки. – Ведь ещё только половина десятого!

– А я тебе во сколько сказала быть?

– В девять...

– Опять таскался к своей девке? – догадывается мать. – А потом я буду разбираться с её родителями, откуда у неё пузо?

Блин... Какое пузо? Мы тоже не глупые. Предохраняемся! Этого добра в каждом ларьке...

И вот такие сцены у нас почти ежедневно, и, казалось бы, можно привыкнуть, но что-то не привыкается. Ведь мне уже шестнадцать лет! Почему она считает, что меня можно вот так полоскать?

Отец с матерью разбежались почти шесть лет назад. Они долго меня делили. Папа очень хотел, чтобы я жил с ним. Мать не соглашалась. Меня тогда по моему возрасту никто не спрашивал, но хотелось жить с отцом. Он меня всегда понимал и защищал, когда мать ругала. Из-за этого они тоже часто ссорились. С отцом у нас отношения отличные. А мать меня не понимает! Да и не хочет понимать. Вообще мать у меня – странный человек. Она – какой-то крупный финансовый работник, в банке работает, и должность высокая. Её на работу и с работы машина возит. О ней говорят, что она толковая женщина. Не знаю, не мне судить.

Квартира у нас шикарная. Как началась эта кутерьма девяностых, маманя прихватила четырёхкомнатную в центре и отделала её по высшему классу. Деньги ведь есть... Компьютер у меня появился давно. Одевает она меня соответственно. Хочет, чтоб достаток был виден. Джинсы – так крутые, кроссовки – тоже настоящий Nike, ну и всё остальное, вплоть до трусов, тоже. Одеваюсь я лучше своих одноклассников. Признаюсь, что порой испытываю сильное неудобство от своего вида. Лучше бы ходил, как все вокруг. Но нет! Мать не позволяет. Она очень властная женщина. Самодур какой-то... Она всегда будто старается подчеркнуть моё подчинённое положение. Когда я был младше, было проще. Для спокойствия я старался безропотно выполнять её требования, и вроде было ничего... Может, потому что тогда своего мнения ещё не высказывал? Сейчас же ругает буквально за всё, за любую мелочь. Постоянно твердит, что я отравляю ей жизнь.

После развода мать сразу поставила себе целью найти нового мужа. Кандидаты менялись. Во время отношений с каждым из них она оставляла меня в покое. Даже появлялись признаки ласки. Особенно когда в определённый момент меня надо было отправить из квартиры. Потому и в секцию самбо, куда меня записал ещё отец, разрешила продолжать ходить. Однажды вообще на полгода в Питер к нему отправила. Здорово было! Такая спокойная жизнь! Помню, отец тогда меня, южанина, даже на лыжи поставил. Мне понравилось! Но как только отношения с очередным мужиком у матери заканчивались, она сразу же будто с цепи срывалась и всё своё раздражение вымещала на мне. Мне всегда было непонятно, зачем было бодаться с отцом из-за меня, мотать всем нервы, для того чтобы теперь постоянно говорить, что я ей мешаю, потому что вообще не такой, как ей хочется.

А впрочем, может, действительно ей мешаю? Я ведь действительно не такой! И не хочу быть таким, каким она меня хочет видеть. Я, например, не жадный, а мать жадная, хотя денег у нас достаточно. Достаток напоказ, а она над каждым рублём плачет. Не для меня. Для дру-

гих. Не видел ни разу, чтобы она кому-то помогла. Даже если беда случилась. Не хочу быть таким! Карманные деньги мне выделяются, и если у кого-то из моих друзей проблемы, я всегда стараюсь помочь.

– Что стоишь истуканом? – не унимается мать. – Кобель! Весь в отца пошёл! Тот тоже мне всё время нервы мотал.

По-моему, от состояния раздражения она сама не понимает, чего от меня сейчас хочет. Не выдерживаю.

– Чего ты опять на папу взъелась? Ведь сколько лет уже не живёте вместе, а ты всё его ругаешь. Слушать надоело. Он нормальный хороший человек!

– Ах, и ты туда же! Вот уж – дерьмо от дерьма!

Звонкая пощечина украшает мою физиономию. Терплю. Не буду же я драться с родной матерью!

Отец же мой – совсем другой. Он – простой водила-дальнобойщик. Нет, он имеет высшее инженерное образование, но жизнь заставила его сесть за баранку. Кому сейчас нужны инженеры? Жаль, конечно... Однако я для себя твёрдо решил, что после школы обязательно пойду в университет – учиться дальше. Не может же всегда быть так, как сейчас! Очень хочу, чтобы у меня всё получилось. Только в результате своей миграции на полгода из города в город и неравноценных переходов из школы в школу я уже потерял слишком много времени и теперь старше своих одноклассников больше чем на год. Это с учётом ещё и поздней записи в начальную школу в совсем юном возрасте. Тоже маманя постаралась!

Я помню, что отец действительно часто задерживался на работе. Причём именно на работе! После занятий в секции самбо я к нему часто туда забегал. Но мать почему-то всё время кричала на него, обвиняя, что «таскается по бабам». До сих пор помню! Я люблю своего отца. Он сумел стать мне настоящим другом. К матери же, честно говоря, сыновней любви не испытываю. Только почтение как к человеку, давшему мне жизнь. Терпение, наконец! Родителей ведь не выбирают!

Ухожу в свою комнату. Щека горит. Конечно, наплевать, но всё равно неприятно. Насколько мне было спокойно, когда я жил у отца, настолько же тут всё отвратительно. Моя мачеха отнеслась ко мне практически как к сыну. Ох... Даже стыдно... Какая же мачеха! Тётя Тоня очень хорошая, добрая женщина. Когда она меня просила что-то сделать, всегда с удовольствием соглашался. Хорошему человеку и помочь приятно. Я сразу заметил, что в нынешней семье отца царят покой, доброта и взаимопонимание. Ни разу не видел и не слышал, чтоб он ссорился с тётей Тоней. Когда я там жил, то сам, по собственной инициативе, взял на себя некоторые обязанности по дому. Ну там – мусор вынести, в магазин сбегать... Отец часто в рейсах, поэтому тёте Тоне помощь была нужна. У них стиралки нет, и когда я взялся постирать свои шмотки, так рубашку выжал, что она порвалась... Тогда ещё тётя Тоня улыбнулась, пригладила мне волосы, сказала, чтобы я не переживал и что лучше сама будет стирать. Такая она хорошая!..

Может, сбежать к отцу в Питер? Но если сбегу, то тем самым его подставлю. Надо подумать.

В школе смотрю на Пашку и не могу понять, что с ним случилось. Пришёл в каком-то рванье. Всегда вроде одевался более-менее... Даже несмотря на плохую погоду – без куртки, только в свитере. Спрашивать как-то неудобно.

– Ты чего это в таком прикиде? – всё-таки не удержавшись, интересуюсь я.

– Да ладно... – смущенно бурчит он. – Так получилось.

– Что случилось? Случилось что-то?

– Ну случилось. Ладно! Проехали!..

У нас с Пашкой нормальные дружеские отношения. Я уже привык к его некоторой замкнутости, но если что-то случается, то он сразу же готов помочь. Однажды мы вместе даже от пятерых пацанов отбивались.

– Колись! Что у тебя стряслось? – наступаю я. – Давай, давай!

– Да ладно тебе, Димка! Чего пристал!

– Так. Павлуха! – и обнимаю его за плечо. – Выкладывай! Ограбили, что ли?

– Да нет... Пожар у нас был... Мать стиралку на ночь поставила. Проводку в коридоре замкнуло. Старая проводка... Хорошо, что не задохнулись. Пока мы с отцом тушили... В общем, все шмотки, которые были в прихожей и в стенном шкафу, сгорели. Вот теперь... Короче, пока буду ходить так.

Блин! Вот непруха! Родители-то его совсем не богатые люди. И живут они в старом двухэтажном доме, построенном лет пятьдесят назад. Так мне жалко Пашку становится! Стаскиваю с себя свою фирменную куртку и протягиваю ему. Мы с ним по комплекции почти одинаковые.

– На! Надевай! Дарю. У меня дома другая есть.

Заранее понимаю, что мать снова устроит мне истерику, но – наплевать!

– Иди ты! – отталкивает он меня вместе с курткой. – Ничего. До лета перебыюсь.

– Павлуха... Возьми! Я же от чистого сердца тебя выручаю. Есть у меня. Ну правда...

– Димка... Стыдно мне... – бурчит он, глядя в пол. – Что я – нищий?

– Не нищий. Ты не понял. У тебя же беда случилась! Бери! А то обижусь, – и просто вталкиваю его в свою куртку. – Ну вот... Теперь нормально.

Мне действительно приятно видеть её на Пашке.

– Тебя же мать сожрёт!

– Ничего. Прорвёмся!

Он знает, что с матерью у меня непростые отношения.

– Димка... Спасибо тебе...

Ох, ничего себе! У Пашки даже слёзы выступили.

– Не за что! Носи на здоровье! Только дай я ключи из кармана заберу.

До дома добираюсь почти бегом – холодно на улице!

– Дима, а где твоя куртка? – встречает меня в прихожей мать.

– Мам, я её Пашке отдал. Насовсем отдал. Пожар у них был. Всё сгорело. А у меня старая есть.

– Так... – она хмурится. – Ты сейчас пойдёшь к своему приятелю и заберёшь свою куртку.

Понял меня?

Конечно, я предполагал, что мой поступок у неё одобрения не вызовет, но чтоб забрать!..

Не выйдет! Может, уговорю?

– Мам... Но ведь ему ходить не в чем! Сгорело же всё!

– Я сказала! Пойдёшь и заберёшь!

– Не пойду! Я её уже подарил! А я в старой похожу.

– Мерзавец! Я его стараюсь одеть, чтобы ходил, как человек, а он всё раздаривает! – мать себя опять явно заводит. – Сначала сам заработай, а потом уже вещами разбрасывайся! Нахлебник!

Да-а... Ой, маманя... Напрасно ты так.

– Не волнуйся! Заработаю! Отдам тебе! И вообще можешь мне больше ничего не покупать. Обойдусь!

Иду к себе в комнату и с треском захлопываю дверь.

Какая же она всё-таки скряга! А ведь мы богатые...

Но ведь это идея! Пора мне зарабатывать! А что я могу делать? Разве что где-нибудь что-нибудь таскать... А где? Надо подумать. Действительно, что если после школы куда-нибудь пойти и поработать?

* * *

Опять возвращаюсь домой позже девяти. Реально помогал Пашке и его отцу убирать грязь после пожара. Ну не получилось у меня прийти вовремя! Сую ключ в скважину... Не поворачивается! Значит, дверь не на замке, а закрыта на щеколду.

Нажимаю кнопку звонка. За дверь раздаются шаги. Снова звоню.

– Ты на часы смотрел? – спрашивает мать с той стороны.

– Ну мам... Ещё ведь только двадцать минут десятого! Я Пашке после пожара помогал...

– Вот и иди, помогай дальше! Короче, иди туда, откуда пришёл, – приказывает мать.

Как мне это всё надоело! У других жизнь как жизнь, а у меня сплошные отчёты и потом ругань.

– Так ты меня непустишь? – я хочу это уточнить.

– Я уже сказала, – и слышны удаляющиеся шаги.

Ну и чёрт с ней! Переночую на вокзале. Там бомжей хватает. Вот и я сегодня такой.

Топаю на вокзал. С неба сыплется вода. Хорошо, что дождь не сильный. Вот это дом, где Пашка живёт. О! Может, зайти и попроситься переночевать? А впрочем... Неудобно людей беспокоить. Чего на них свои проблемы вешать! Топаю дальше. Чёрт с ним, с дождём! На маршрутку садиться не хочу, времени у меня – вагон! До самого утра. Как промокну, так и высохну.

Вот и вокзал. Какие-то люди ходят, сидят на лавках... Некоторые что-то жуют. Тоже сажусь. Но сидеть долго мне скучно. Начинаю тоже перемещаться по вокзальным помещениям. Карманные деньги у меня пока есть, в кафешке съедаю бутерброд, запиваю чашкой кофе. Теперь иду к расписанию поездов. Вот... Есть два поезда на Петербург... А там отец. Жил бы я с ним, такого, как сейчас, не было бы.

Интересно, неужели мать, не пуская меня домой, подумала, что я буду ночевать на лестнице под дверью? Не дождётся! Пусть тоже подёргается! А может, я уже совсем её не интересую? Тогда зачем она держит меня около себя? Исполняет тяжкий родительский долг?

Снова слоняюсь по вокзалу. Вот и свободная лавка. Сажусь. Спать не хочется. Да и можно ли здесь спать? Пока будешь спать – обчистят до нитки. Знаю я эту бомжовую публику! Прикрываю глаза. Так немного посижу и ещё погуляю...

– Привет, красавчик!

Открываю глаза. Кажется, я заснул. Передо мной стоит размалёванная девица. Юбка едва прикрывает... Ботфорты... Ясно. Местная работница вышла на ночную охоту.

– Привет...

– Давно за тобой наблюдаю. Чего ты тут всё крутишься? Ищешь кого? Может, развлечься хочешь? Видок-то у тебя богатенький! Даром что пацан ещё. Правда, я предпочитаю мужиков в возрасте.

– Ночую я тут. Мать из дома выгнала, – неожиданно для себя признаюсь я.

– О как! Не повезло... – она садится рядом. – Чего-то случилось?

Рассказываю, из-за чего мать домой не пустила. Просто хочется выговориться, а некому.

– Понятно... – девица вздыхает и делает заключение: – Ты, парень, не то место для ночлега выбрал. Заснёшь – можешь и не проснуться. А назавтра твои клёвые шмотки уже где-нибудь продавать будут. Тебя как зовут, красавчик?

– Дима.

– Так вот, Димчик! Жалко мне тебя. Ладно, подремли, а я тут, пока клиента найду, буду за тобой присматривать. Если что – разбужу.

– Спасибо... А тебя как звать?

– Манюня, а вообще – Маша. Ну давай, Димчик! Спи пока...

Веки тяжелеют. Как все-таки убаюкивает освобождение от ответственности!

– Эй, парень! Парень! – кто-то трясёт меня за плечо.

Открываю глаза. Молодой мужик протягивает мне пластиковый стакан с каким-то алко-голем. Это я по запаху чувствую. Второй стоит рядом.

– На! Давай с нами третьим! Давай! А то замёрзнешь!

Ещё не проснувшись, машинально беру.

– Димчик! Стой! Ну-ка отдай! Отдай, я сказала!

Наконец прихожу в себя. Маша выхватывает из моей руки стакан.

– Так, мужики! Это – мой человек. Отвалите! Валите, я говорю!

– Ну ты даёшь, Манюня. Предупредить надо было... – ворчит тот, который совал мне в руку стакан. Они уходят.

– Ты что? Совсем сбрендил? Клофелина захотелось? Я же тебя предупредила! – жёстко выговаривает мне моя спасительница. – Сейчас бы вырубился, а они тебя отнесли бы в укромное место, раздели бы и бросили. Придурок!

– Это я со сна... Не успел в себя прийти, – виновато оправдываюсь я, но мне почему-то ужасно приятна её забота. В моей жизни этого пока было мало.

– Ладно... – меняет она гнев на милость. – Вставай и пошли ко мне. У меня переночуешь. От греха подальше. Всё равно никого я не нашла! Ночь впустую... Только ментам зря отстегнула. Вставай! Пошли!

Это что? Она меня зовёт... Я же...

– Ты что? Я не могу тебе заплатить.

– А я и не говорю, чтоб ты платил. Ляжешь и будешь нормально спать. Думаешь, если шлюха, то не человек? Не в состоянии понять? А то опять во что-нибудь вляпаешься. Короче! Много разговариваем. Пошли! – берёт меня за руку и тянет. – Я тут недалеко квартиру снимаю.

Вслед за Машей захожу в квартиру. Обычная однокомнатная... Ясно. Здесь всё устроено для приема клиентов. Кровать одна... Широкая...

– Вот, это гостиница на сутки со всеми услугами, – грустно объясняет хозяйка, перехватив мой взгляд.

– Понятно...

– Есть хочешь? – она лезет в холодильник. – Могу предложить бутерброды с сыром и колбасой. Будешь?

– Не знаю... И так...

– Что «и так»? Давай, иди на кухню! Чайник включи, а я пока помоюсь.

Включаю чайник и сажусь в угол. Жду.

Из ванной появляется Маша в халате. Без убойного макияжа она – совсем другой человек! Интересно, сколько ей лет? Двадцать, двадцать два? Не могу определить. Вообще все самые лучшие проститутки работают при отелях. Раз она на вокзале, то значит...

– Что смотришь? Не похожа без боевой раскраски? – улыбается она.

– Тебе так даже лучше.

– Правда?

– Честно!

– Спасибо... Ладно, давай поедим.

Под чай с бутербродами слово за слово... В общем, рассказываю про всё моё житьё-бытьё. Маша умеет слушать, и это меня будто вдохновляет. Вот так взял и выложил всё. Закурил потом вместе с ней...

– И что ты думаешь делать дальше? Она же так и будет тебе кровь пить.

– Не знаю... – я вздыхаю.

– Эх, Димчик... К папашке тебе надо сваливать, – жёстко произносит Маша. – Загрызёт тебя твоя мамаша.

– Надо...

– Всё! Давай спать! Моей исповеди сегодня не будет. Иди ложись, – командует она. – Я сейчас уберусь и тоже лягу.

Вытягиваюсь под одеялом, повернувшись спиной к соседнему месту. Сон не идет... Кровать слегка заколыхалась. Это Маша легла.

Ну не могу я спать! Мысли в башке все время крутятся вокруг происшедшего. Как завтра будет? Какую новую сцену мне устроит мать? Неужели она будет спокойно спать, когда меня дома нет?

– Не спишь?

Видно, я слишком тяжело вздыхаю.

– Нет... Не могу что-то.

– Повернись.

Поворачиваюсь к ней лицом.

– Ты успокойся. Тебе надо успокоиться и принять правильное решение. Понимаешь?

Маша ласково смотрит на меня.

– Понимаю...

Её рука приглаживает мне волосы, а вернее, просто гладит по голове, как маленького. Смешно... Я же не маленький! Улыбаюсь.

– Вот ты и улыбнулся. А то был просто как каменный.

Её лицо все ближе... Такие нежные губы...

– Я своих клиентов так не целую. А ты... Хочу, чтобы ты расслабился. Нельзя так...

Она опять меня целует и нежно гладит, а я не знаю, что делать. Странное какое-то положение. Ох-х... Ну как же она меня ласкает! Я такого ещё ни разу не испытывал!

– Маш... Ты что?

– Дурачок... Ты же не клиент. Ты – другое... Может, я сама... этого хочу... Расслабься! Тебе это нужно. А потом будешь спокойно спать.

Её шёпот... Поцелуй... Голова кругом! Вот что значит «заниматься любовью»! Только сейчас начинаю понимать значение этих слов. Как это прекрасно! Это – полёт! Какая она... Ох-х... Как я хочу, чтобы ей было так же хорошо!..

– Митя... Митенька... – на её лице слёзы.

– Ты что?

– Ты очень хороший... Ты замечательный... – бормочет она, часто целуя, а потом вдруг вздыхает: – Чёрт бы побрал такую нашу жизнь...

Лежим в обнимку.

– Тебе хоть семнадцать-то есть?

– Через месяц только, – я смущаюсь.

– Ну вот. Теперь меня заметут за разврат несовершеннолетних, – улыбается Маша и целует меня долгим нежным поцелуем. – Спи теперь... Всё у тебя будет хорошо. Ты обязательно сделаешь всё как надо. И у тебя всё получится. Ну, спи!

Она переворачивает меня к себе спиной, сама обнимает и прижимается сзади. Её волосы щекочут мне шею... Наверно, то, произошло, было мне действительно нужно, потому что глаза начинают слипаться.

Открываю глаза. В школу я, конечно, проспал. Почему-то беспокойства и сожаления нет. Будь что будет!

Рядом пусто. Ищу трусы. Нашёл. Надеваю и выхожу на кухню.

Маша что-то делает около плиты.

– Привет! Извини, я не стала тебя будить. Хотела, чтоб ты выспался. Ничего?

– Нормально. Спасибо. Я сейчас умоюсь и пойду.

– Сначала поешь. Не спеши. Успеешь ещё от своей мамашки огрести.

– Да мне в школу надо...

– Туда тем более успеешь. Иди помойся пока.

Всё это говорится с такой добротой!..

Уже одетый, стою у двери. Маша застёгивает на мне куртку, потом долго смотрит в глаза, потом притягивает к себе.

– Поцелуй меня... на прощание.

Долго целуемся...

– Митя... Ты не забывай меня. Хорошо?

– Не забуду. Может... ещё увидимся? – бормочу я.

– Смеёшься?

Отрицательно мотаю головой.

– Вряд ли это получится... – вздыхает она. – Хотя я бы не возражала... Хороший ты, Митя. Может, я тоже тебе бы рассказала...

Сама меня целует и отталкивает.

– Ну, иди... Пока!

– Ты где был? – едва увидев меня в школе, спрашивает Пашка.

Быстро в общих чертах ему всё рассказываю. Правда, про Машу не говорю.

– Дурак ты, Димка! Пришёл бы к нам! У нас бы и переночевал. А ты попёрся на вокзал.

– Понимаешь, Павлуха... Стыдно мне... Чего я мои проблемы на вас вешать буду! Мало вам своих?

– Вот я и говорю, что ты – дурак! Ты меня не больно спрашивал, когда в свою куртку запихивал.

– Да ладно! Я уже про это и забыл.

– А я – нет! Короче, если ещё что-то такое будет, чтоб шёл к нам. Я предков предупрежу.

– Не надо...

– Надо! Что мы, не люди? Не тупи.

– Ладно... Уговорил.

Вот и Пашка тоже заботится. Наверно, если так посмотреть, то вокруг есть много хороших людей. А я как заикнулся на своей мамаше! Но ведь она мне все-таки мать... Может, она просто слишком строгая?

– Где ты всю ночь шлялся? – набрасывается на меня мать, едва придя с работы.

– Ты же меня сама домой не пустила, – мне почти смешно: неужели она всё-таки думала, что я буду ночевать под дверью?

– Я тебя спрашиваю – где ты всю ночь был?

Мать снова себя заводит. Я это прямо чувствую.

– Если хочешь, я могу пойти туда ночевать снова, – откровенно блефую я.

– Скотина! Он ещё и угрожает! – мать замахивается, но сегодня я не намерен подставлять ей свою рожу. Ловлю её руку и слегка сжимаю, не давая нанести удар. Мать явно в шоке. – Да как ты смеешь!

Она пытается ударить меня второй рукой, но я снова не позволяю. Так и стоим в прихожей.

– Значит так, мама, – начинаю я, сдерживая зашедшееся от волнения дыхание и продолжая держать её руки, – мне надоели твои сцены. Я заканчиваю десятый класс и от тебя уезжаю. Поняла?

Только сказав это, я отпускаю её руки и прохожу в свою комнату. Видимо, мать настолько опешила от моего заявления, что даже не попыталась помешать. Дверь почти сразу распахивается.

вается. Мать стоит на пороге. Господи, какие у неё глаза! Похоже, в этот момент она меня просто ненавидит.

– К папочке своему собрался? Скатертью дорога! Только денег от меня ты не получишь! Ясно тебе?

– Яснее не бывает. Обойдусь.

Дверь с треском захлопывается.

Ложусь спать. Правда, сна нет ни в одном глазу. Мысли всякие-разные.

Не понимаю. Ну зачем держать около себя нелюбимого сына? Ну зачем я ей нужен? Показать, что у неё и здесь всё в полном порядке? Может, ей нужно показать, что она, выбиваясь из сил, тянет на себе взрослого лоботряса? Или – если мнение окружающих приказывает делать добро, то его надо делать, даже стиснув зубы от нежелания?

А вот Маша мне помогла просто так. Маша... Как мне с ней было хорошо! Во всём. Даже если бы у нас в постели ничего не было, то я всё равно был бы ей благодарен за всё. Маша... Конечно, я для неё – пацан ещё. Но как она со мной...

Секс мне знаком достаточно давно. С одноклассницами и начинал, и продолжал... Сейчас даже странно слышать от старших о том, как лет десять, двадцать назад ранний секс был чем-то сверхъестественным. Теперь такими делами уже занимаются совсем маленькие, благо даже такая литература с иллюстрациями вполне доступна. А в нашем южном городе – это вообще повально! Тем более что летом, в период отпусков, такого насмотришься, таких примеров! Никакой познавательной литературы не надо.

А наша сексуальная жизнь с Анжелкой, моей теперешней подругой, началась с одного мероприятия в нашей классной компании и в не очень трезвом состоянии. Помню, мать уехала в командировку в Краснодар аж на целую неделю, и я пригласил народ к себе оттянуться. Во время этой вечеринки у меня в квартире всё и произошло. Сначала переглядывались, после на кухне целовались, а потом просто ушли от всех из гостиной в мою комнату, а когда через полчаса вернулись, я заметил на лицах моих гостей понимающие ухмылки. Помню, как Верка, с которой у меня уже всё произошло гораздо раньше, кидала на меня яростные взгляды. Мне и тогда было, да и сейчас на это наплевать. Никогда не стремился скрыть свои привязанности.

Но всё-таки все мои прежние опыты были, по сути, физическими упражнениями. А с Машей... Какая она... хорошая. Жаль, что я ещё такой молодой. И жаль, что ей приходится так зарабатывать. Ведь проститутками без нужды не становятся. Она и сама сказала, что исповеди не будет, значит, всё-таки что-то её заставило пойти на вокзал.

М-да... Везде всё зависит от денег. Да и мне они сейчас будут нужны. Ничего! Заработаю. Пока не знаю как, но заработаю. У меня в запасе ещё целых три месяца.

* * *

Решил попробовать заработать при помощи своей силы. Парень я здоровый, могу что-нибудь таскать. Обошел несколько разнокалиберных ларьков. Но пока результат нулевой. Везде отказ.

В школе обсуждаю это с Пашкой.

– А может быть, твой клёвый прикид всех смущает? – высказывает он своё соображение. – Уж больно ты не похож на неимущего. Может, все думают, что ты какой-нибудь засланный.

– Может быть... А где ж я другую одежду возьму? Тут же что-то старое и рваное нужно.

– Слушай, Димка! А давай я у себя посмотрю? У меня точно найдётся. Может, даже и обгорелое после пожара. Сгодится?

– Конечно, сгодится! Давай! Только как я это всё домой принесу?

– А ты и не носи. Придешь к нам, переоденешься, и на работу. Потом опять переоденешься.

– Ну а твои что скажут?

– Мои поймут. Они, ты извини, в курсе.

Отлично! Теперь дело за немногим – найти хозяина, который дал бы мне работу. Ладно, с этим разберусь как-нибудь.

Что-то так захотелось Машу увидеть. Просто увидеть и поговорить. Она так тогда слушала! Мне кажется, что она тоже меня понимает. Да и вообще, она такая... После неё прежние подружки мне стали совсем неинтересны. Может, я влюбился?

Стою около дома, в котором Маша снимает квартиру. Номер квартиры я помню, но идти туда боюсь. Вдруг она в этот момент с клиентом?

Ну слава богу! Маша появляется из-за угла одна и идет прямо ко мне. Кажется, я краснею...

– Здравствуй... Маша.

– Здравствуй! Ты чего тут? – она запросто, даже ласково, улыбается.

– Да вот... Захотел тебя увидеть... – и понимая, что это звучит ханжески, ведь человек может подумать, что я пришёл за другим, поправляюсь: – Просто увидеть... И поговорить!

– Митя... – Маша явно смущена. И вдруг: – Пошли!

На кухне пьем кофе.

– Ну, как тебя твоя мамашка встретила?

Подробно рассказываю про скандал. Маша сидит, подперев голову рукой, и так грустно смотрит на меня. Это даже вдохновляет. Начинаю рассказывать, как искал работу, как не нашёл, как с Пашкой договорился.

– Хороший у тебя друг, – вздыхает она. – Повезло...

– Да. Пашка – классный парень.

– Слушай, Митя, а если я у нас на вокзале поговорю? Есть у меня знакомый, такой старый армянин из местных. У него несколько ларьков. Вдруг тебя возьмёт? Только ты приходи не в таком виде, как сейчас, а как с Пашкой своим договорился. Может, получится?

– Ой... Маш... Я же не грузить тебя своими проблемами пришёл, – бормочу, оттого что мне действительно неудобно. – Я же просто поговорить... Ты меня так здорово понимаешь!

– А чего бы мне тебя не понять, – усмехается она. – Я же в шлюхи тоже не от хорошей жизни подалась... – замолкает и снова, как тогда, грустно смотрит на меня.

– Что так смотришь?

– Про тебя вот думаю. Ты – симпатичный и неглупый парень. Только ещё очень молодой... Думаешь, я не вспоминаю?

Кажется, я опять краснею.

– Понимаешь... Мои клиенты – это грязь и, как раньше говорили, срам. А с тобой у меня всё было, будто в первый раз... Ладно! Чего об этом говорить! И почему в нашей жизни всё идет через... Эх-х...

Сам не знаю, что со мной происходит. Встаю, подхожу к ней и сажусь рядом на корточки и беру её за руку.

– Маш... Маша... Всё ещё будет хорошо! Наверно, надо просто потерпеть немного...

Видимо, то, что говорю, звучит наивно, ведь я вижу её грустную улыбку.

– Хороший ты, Митя... – она тянет меня к себе и целует.

От этого у меня голова идет кругом. Ну не испытывал ещё такого с моими теми... Они все были и есть сопливые девчонки.

– Митя, – вдруг шепчет мне Маша на ухо, – а ты шлюху совсем не хочешь?

– Хочу... – признаюсь я. – Только не... шлюху. Тебя...

– Идём... Идём, Митенька...
...Прощаясь, на пороге, снова долго целуемся.
– Ну иди... – как и в тот раз, она слегка отталкивает меня. – Встретимся, как мы договорились.

* * *

– Так, Дима. Пиво ставь вот сюда. А этот ящик – вон под ту полку.

Сурен Арменакович уже в солидном возрасте, иначе мог бы сам разгружать свою «Газель» и тогда я ему был бы не нужен. Живёт он здесь практически всю жизнь и поэтому по-русски говорит достаточно чисто. Мужик он неплохой, а главное – не жмотистый. Теперь, благодаря Машинной протекции, я каждый вечер объезжаю с ним его три ларька. Так что со своим самбо пришлось завязать. Жаль, конечно! Всё-таки почти семь лет занятий, кандидат в мастера, надежды тренера... Но вообще, видимо, пришло время заканчивать детские игры и начинать взрослую жизнь. Мне ведь меньше чем через две недели исполнится семнадцать.

Хозяин расплачивается со мной ежедневно, и теперь у меня есть пусть небольшие, но свои заработанные деньги. Домой их носить я, зная свою мамашу, не рискую. Оставляю весь заработок у Пашки. Свой паспорт тоже на всякий случай ему отнёс. Его родители в курсе нашей тайны. Одобряют.

– На, Дима. Держи! Сегодня ты очень хорошо поработал.

Прячу деньги в карман. Действительно, устал я сегодня.

– Спасибо, Сурен Арменакович! Спасибо...

– Это Мане спасибо. Хорошего работника мне нашла. И вообще называй меня дядя Сурен. Маня тоже хорошая девочка. Жаль, что ей приходится так зарабатывать. Да, Дима... Вот как бывает! Ты, наверно, не знаешь... Младшего брата она растит. Они из Грозного во время войны убежали. Мать их там погибла. Случайно попала... А они потом там всё бросили и убежали.

– А сколько лет брату?

– Тогда было двенадцать. Маня его у тётки под Краснодаром оставила, а сама сюда на заработки... Она хотела медсестрой на курорте. А тут вот... Кому сейчас её диплом нужен? А курортники приезжают, так они сейчас не лечиться хотят... Вот она деньги тётке на брата и посылает, – хозяин вздыхает.

– Дядя Сурен, а как вы с Машей познакомились?

– Так она, как сюда приехала, сиделкой ко мне устроилась. С моим внуком знаешь как носилась, когда он болел. Невестка, наверно, меньше о нём заботилась, чем она. Ну а потом... Люди-то сюда не болеть – развлекаться приезжают...

Вот всё и стало на свои места. Так мне становится жалко Машу! После рассказанного хозяином даже душа не на месте. По сравнению с её проблемами мои – вообще просто картонные.

– Дима, с Маней беда случилась, – сообщает дядя Сурен, едва я прихожу на работу. – Порезали её вчера ночью.

– Как порезали?

– Ну, с одним мужиком она не захотела идти – пьяный сильно был, так он нож вытащил... Менты его повязали, а Маня сейчас во второй больнице.

– Как её там найти? – напряжённо спрашиваю я.

– Не бойся, одну не оставим. Вот сейчас машину разгрузим и вместе поедем, – ворчит хозяин.

В больничной палате сидим у Машиной кровати. Одной рукой она держит мою руку, а другой – руку Сурена Арменаковича. В её глазах стоят слёзы.

– Ну как ты, девочка моя? – спрашивает дядя Сурен.

– Ничего... Говорят, жить буду.

– Я с доктором говорил... – как бы про себя бурчит он. – Ты, Маня, не волнуйся. Поможем. Верно, Дима?

– Конечно! Маш, я к тебе каждый день приходить буду!

Дядя Сурен почему-то усмехается. Может, я пока ещё чего-то не понимаю?

– Вот что, Дима. Вот тебе... Тут доктор написал, что нужно купить. Вот деньги. Давай – бегом в аптеку.

Пока бегу в аптеку, пытаюсь понять. Ведь вроде больница, а лекарства приходится покупать. Это вообще как?

Едем из больницы. Молчим. Смотрю на хозяина. Он сосредоточен и угрюм.

– Дядя Сурен, а что врач сказал?

– Жить будет, а родить уже вряд ли сможет. А женщина должна рожать! В этом её счастье, – и опять замолкает.

Захожу к Маше в палату. Сегодня я один. Только сейчас замечаю, что тут всё не убрано, да и вообще грязно. Даже бельё на её кровати странное, будто жёваное, и просто несвежее. В прошлый раз от волнения я этого не заметил.

– Привет...

Подхожу к ней, наклоняюсь и целую.

– Митя... Спасибо тебе... – она слабо улыбается.

– Ну как ты сегодня?

– Да уже лучше. Садись. Спасибо вам с дядей Суреном. Уколы помогают. Говорят, скоро выпишут. Придётся поправляться дома.

– А я к тебе буду приходить и всё приносить.

– Митя...

Вижу, что больше она ничего сказать не может. Только молча смотрит на меня. Я тоже молча смотрю на неё.

– Митя... Мне, видимо, придётся уехать отсюда.

– Мне дядя Сурен всё рассказал.

– Давай поговорим об этом, когда я буду дома. Я ведь когда-то тебе сказала, что будет моя исповедь...

Мать почему-то оставила меня в покое. Мы почти совсем не разговариваем. Она только оставляет мне какую-то еду. Вообще-то и раньше особых разносолов не было, а сейчас сам варю себе сосиски да пельмени. Ничего, хватает.

После школы бегу работать, а потом – к Маше. Она уже дома, правда, почти не встаёт, только до туалета и обратно. Когда надо, бегаю в магазин и аптеку. Стараюсь даже что-то приготовить и всё приношу ей в постель. А она иногда плачет. Тогда я сажусь рядом, обнимаю её и глажу по голове. Вот как сейчас...

– Знаешь, Митя... Это так хорошо, что мы с тобой встретились, – тихо говорит Маша. – Ты для меня стал, как... солнышко. Спасибо тебе.

– Да ладно... Не за что, – бурчу я и чмокаю её в лоб. – Ты, главное, поправляйся скорее.

– Надо... – вздыхает она. – Надо ещё денег где-то взять на дорогу. Я ведь всё отправила тётке для Егора. Себе оставила только за квартиру отдать. Могла бы у дяди Сурена попросить, но он и так уже мне на лекарства потратился.

– Маш... С деньгами разберемся. У меня теперь есть.

– Митенька, они ведь тебе самому нужны. Надо что-то другое... Я, может, ещё смогу пару раз... когда поправлюсь. Всё равно с кем. Лишь бы заплатили.

Как она это говорит! Кажется, я теперь понял, что значит говорить горько.

– Нет! – сам удивляюсь своей резкости. – У меня тебе на дорогу наберётся. Хватит тебе...

– Митенька... – притягивает меня к себе и целует. – Я за тебя молиться буду. Правда! Когда в Грозном было совсем страшно, я всегда молилась.

– Маш, а как ты оттуда выбралась?

– Это было какое-то чудо. Однажды во время обстрела я схватила брата и ещё одного мальчишку-чеченца и потащила их в подвал. А снаряд, уж не знаю чей, как раз в наш дом угодил. Тогда было непонятно, с какой стороны обстреливают. Нас завалило. Не так чтобы сильно, но если бы я на мальчишках не лежала, то не знаю, что бы с ними было. Через сутки как-то откопалась. Рук не жалела. Выползли мы, а вокруг чечены. Повели нас куда-то... Страшно! А мальчишка-чеченец исчез. Потом уже у них, в каком-то доме, подходит к нам с братом один чечен. Бородатый, страшный... А мальчишка-чеченец рядом с ним, ему на меня показывает и что-то говорит по-своему. Их языку, живя в Грозном, я ведь так и не выучилась. Чечен подходит, называет меня сестрой и говорит, что я спасла его племянника. Благодарит... А потом тащит за собой, сажает в какую-то машину-развалюху, и мы едем. В общем, привёз нас почти на границу Чечни, высадил и говорит: «Беги отсюда, сестра. Спаси тебя Аллах!» Махнул рукой, в какую сторону идти, и мы пошли. Вот так...

– Маша, а зачем ты сюда приехала? Разве там, где живёт твоя тётя, нельзя было работать?

– Егорку поднимать надо. Кроме меня, у него нет никого. Тётка, а вообще она даже не тётка, а дальняя родственница матери, согласилась, чтобы он у неё пожил, но только с деньгами. Им ведь там тоже не сладко – одним огородом живут. Вот я и решила поехать заработать. Понарассказывали, что тут можно и в санаторий устроиться, и ещё работу сиделкой брать. А вышло... Дурой я оказалась, Митя. А с тобой мне повезло. Что бы я сейчас делала без такой няньки? – она наконец улыбается и опять тянет меня к себе. – Я обязательно буду за тебя молиться!

Перед очередной поездкой с дядей Суреном захожу к Пашке переодеться.

– Павлуха, где там мои деньги? Хочу посмотреть, сколько там накопилось.

Вынимает и даёт тонкую пачку перетянутых резинкой купюр. Считаю.

– Я их заберу, – и прячу всю пачку в карман.

– Как? Ты что, уже ехать собрался?

– Да нет. Надо тут помочь одной...

– Димка! Ты снова помогаешь, а потом...

– Угу. Помогаю, только, понимаешь... – и вдруг неожиданно для себя рассказываю ему всё. Всё! Даже про отношения с Машей.

Пашка молча слушает, только головой иногда покачивает.

– Ну а сам-то ты как? Ты же после десятого к отцу собираешься?

– Конечно, собираюсь! Не волнуйся! Наверно, успею заработать. Я постараюсь!

– Слушай, а может и я с тобой? Вдвоем больше ведь получим. Ну чтоб ты точно набрал на дорогу.

Ну вот... Когда уеду, о ком точно буду жалеть и вспоминать – так это о Пашке. Права Маша – повезло мне с другом!

– Ладно, посмотрим. Сейчас главное – Машу отправить.

Мы вместе с дядей Суреном провожаем Машу на всё том же вокзале.

– Дядя Сурен, спасибо вам за всё! Спасибо огромное! – она троекратно целует его в обе щеки и ласково обнимает.

– Да ладно, девочка моя. Всё должно быть по-божески. Будь здорова и счастлива.
– Митенька... – теперь она обнимает и целует меня. – Спасибо тебе, хороший мой! Я буду о тебе всегда помнить.

Настроение у меня поганое. Понимаю, кого я сейчас теряю. Маши мне точно будет не хватать.

– Лучше напиши мне письмо. Как ещё можно... Хоть на почтайт. Я знаю – так делают.

– Ты хочешь, чтобы я тебе написала? – почему-то удивляется она.

– Очень!

– Я напишу. Обязательно!

Поезд трогается. Мы с дядей Суреном машем вслед.

– Дима, а деньги Мане на дорогу... ты дал? – вдруг спрашивает меня он.

– Ну да... Я же ведь заработал! Я не хотел, чтобы она снова...

– Эх, дети-дети... Ладно, разберёмся, – дядя Сурен обнимает меня за плечо, и мы идём к выходу.

* * *

Мы вместе с дядей Суреном подъехали к одному из его ларьков. Ох, ничего себе! Ну и дыра... Видимо, какой-то пьяный козёл на своей тачке разворачивался и задом в этот ларёк въехал. Тётка, которая там работает, перекладывая коробки, пытается отделить пострадавшее от не пострадавшего.

– Вот беда... – бормочет хозяин, рассматривая разбитую стенку и испорченный товар. – То там отстегни, то там... А тут ещё и отремонтируй... Беда...

Да... Не повезло дяде Сурену. Хороший мужик, и вот так ему получилось.

Смотрю по сторонам. Надо найти хоть какой-то материал, чтобы пока дыру заделать. А то всё содержимое ларька вынесут. Ага! Вон, похоже, какая-то старая мебель валяется. Может пригодиться. Ясно – новую купили, а старую просто так выкинули.

– Дядя Сурен, я сейчас! – и направляюсь к случайной помойке. Вообще раньше в нашем городе чисто было, а теперь, как началась вся эта торговля, так всё начали кидать везде, где попало. Неприятно это.

Ну вот... Точно! Части старого шкафа. Беру одну из стенок и тащу к ларьку.

– Вот, дядя Сурен. Смотрите! Это подойдет? Там ещё есть.

– Ой, молодец ты, Дима... – мне почему-то кажется, что мой поступок стал для него неожиданностью. – Ой, спасибо тебе!

– Сейчас! Я ещё!..

Тащу вторую стенку. Хорошо, что в «Газели» дяди Сурена есть полный набор инструментов! В четыре руки восстанавливаем разрушенное хозяйство.

– А у тебя, Дима, я смотрю, руки из нужного места растут! – одобрительно замечает хозяин, глядя, как я вгоняю молотком гвозди.

– Это папе спасибо... Он раньше всегда меня привлекал, когда сам что-то делал. Даже когда я маленьким был.

– Правильно делал твой папа, – и улыбается. – Уедешь к нему – что буду делать?

– Ну, дядя Сурен... Что же делать... Маша же вам говорила.

– Говорила. Я-то всё понимаю, только привык я уже к тебе. Да и тяжело мне становится всё самому делать. Старею...

– Дядя Сурен, а ваш сын? – и взглянув на него, понимаю, что эта тема для него неприятна.

– Вазгену это неинтересно, – неожиданно сухо отрезает он.

И тут дух захватывает от пришедшей в голову идеи.

– Дядя Сурен! А может, вам моего друга Пашку потом взять? Он хороший парень, работающий.

Хозяин какое-то время думает, глядя в сторону.

– Ладно... Потом посмотрим.

– Что, уже начал мать свою позорить? – встречает меня мамаша вечером в прихожей.

– Чем? – искренне не понимаю я.

– Даже этого не в состоянии понять! – она снова, как и всегда, себя заводит. – Мой сын таскает какую-то дрянь в ларьки! Как какой-то алкаш. Дожила!

Во мне тоже просыпается раздражение. Хочется сказать ей что-нибудь совсем неприятное. И это неприятное приходит в голову.

– Папа мне всегда говорил, что когда человек зарабатывает деньги честным трудом, это почётно! А у тебя это, оказывается, позор...

Мать столбенеет от моих слов. Понятно: не знает, как ответить.

– Вот и катись к своему папочке-неудачнику! – с тихой яростью наконец выговаривает она, поворачивается и захлопывает за собой дверь своей спальни.

Ну слава богу! Что-то проясняется. Может, она мне ещё и денег даст? А то после отъезда Маши я снова на нуле.

А вообще-то как я лихо всё решил за всех. Собираюсь к отцу, а с ним даже не удосужился договориться. А вдруг там что-нибудь не так получится? Надо туда позвонить...

Трубку в питерской квартире берет тётя Тоня.

– Здравствуйте, тётя Тоня! Это Дима.

– Ой, Димочка! Здравствуй, мой дорогой!

От такого приветствия просто теряюсь.

– Тётя Тоня... Я хотел... А папа дома?

– Нет, он позавчера уехал. А что ты хотел?

Ну что делать? Отца нет в городе. А может...

– Тётя Тоня... А можно, я с вами поговорю?

– Конечно, Димочка! Ты хотел приехать?

Ох-х... И как она догадалась?

– Да... Я хотел... Только... Вы извините, я хотел... насовсем. Вы не будете против?

– Дима! Ну как тебе не стыдно? Конечно же, не буду против. Мы же с тобой прекрасно ладим. А твой папа по тебе очень скучает. Я же вижу это! Только у тебя с мамой проблем не будет? Она-то тебя отпустит?

– Мы с ней поссорились, и я сказал, что уеду к вам. А она сказала, что скатертью мне дорога.

– Димочка, я прекрасно понимаю, что тебе... Ну, в общем, там несладко. Я тебя, прости, очень жалею. Но всё-таки – мама! Может, это она сгоряча так сказала?

– Тётя Тоня! Не сгоряча. Она же меня поедом грызёт каждый день! Ей всё не так, и я не такой, каким бы она меня хотела видеть. Я уже не могу. Честно! И вообще мне уже шестнадцать, и я могу сам решать!

– Можешь... – понимаю, что она задумывается, и тут следует быстрое продолжение: – В общем, так! Если приедешь, то и я, и твой папа будем очень рады. Остальное попробуем отрегулировать, если придётся. Главное, не волнуйся. Ты десятый класс там закончишь?

– Да. А в одиннадцатый хотел бы пойти уже в Питере.

– Конечно, это правильно. Заканчивай учебный год и приезжай. Повторяю: будем рады и заживём нормальной семьёй. Тебе деньги на билет надо будет высылать?

– Тётя Тонечка! Спасибо! – кричу я в трубку. – Насчёт денег не волнуйтесь! Я сам уже зарабатываю. Таскаю в ларьки ящики. Я – парень здоровый!

– Смотри только, не надорвись. Учти, что ты ещё не так крепок, как тебе кажется. Постарайся осторожнее с тяжестями.

От такой заботы совсем таю.

Вот интересно... Люди такие разные! Одни простые, душевные. Такие, как Пашка и его родители. Всегда готовы помочь. Или дядя Сурен. Тоже, хоть и бизнесмен, но простой. Вон как он Маше помогал! А моя матушка, да и все её знакомые, и те мужчины, с которыми она встречается... Будто всё время выделяются друг перед другом. Хвастают квартирами, тачками. Будто соревнуются – кто круче. А может, действительно соревнуются? Почему-то мне кажется это скучным. Да и вообще, кому они в своей жизни помогли?

А отец и тётя Тоня – они тоже простые. И тоже стараются всем помочь. Вон, когда их соседка по площадке, бабулька, болела, так тётя Тоня приносила ей покушать и кормила чуть не с ложечки. А отец в аптеку бегал. Мне это понятно, ведь те, кто сильнее и здоровее, должны заботиться о тех, кто слабее! Наверно, природа не случайно так устроила, что мужчина сильнее женщины и он о ней заботится. Гм... А я о своей мамаше? Ведь я же мужчина! А как я могу о ней заботиться? Для её личного спокойствия выполнять всё то, что она от меня требует? Быть таким, каким она хочет? Но ведь её требования совсем неразумны. Быть таким, как она хочет, – значит, быть, как она, а это уже противоречит изначальному постулату. Вот куда привела логика. Круг замкнулся! Ох-х... Видно, правильно говорит Людмила, наша математичка, что у меня хорошие способности к математике. Там ведь тоже сплошная логика.

Пришло письмо от Маши! Как же я этому рад! Ведь бегал на почтамт почти каждый день, и меня там даже стали узнавать.

Распечатываю, и аж пальцы трясутся.

«Митенька! Дорогой ты мой!

Вот я и приехала. Спасибо тебе, что так мне помог. Я буду помнить об этом всегда. Об одном только думаю – ты-то как выкрутишься? Тебе же тоже надо решать свою проблему. Нельзя же так жить!

Ну ничего! Я сейчас пытаюсь здесь устроиться на работу. Мне совсем неважно, на какую. Может, потом тоже сумею тебе помочь.

Егорка меня сильно беспокоит. Пока меня не было, догляда за ним тоже не было, и он по малолетству связался с какой-то местной шпаной. Насчёт этого стараюсь что-то придумать тоже.

Ну вот, вроде и все новости. Пиши мне обязательно, как у тебя дела. Мне это важно.

Целую тебя, мой хороший! Всё время тебя вспоминаю. Твоя Маша».

Уф! Ну хорошо, что доехала и они с братом теперь вместе. Прямо чувствую в себе такую огромную радость, будто весь теплом наполнился. Только бы у неё всё было хорошо!

* * *

– Ну что? Не передумал ещё ехать в Питер? – как бы между делом интересуется мать утром перед отъездом на работу. С некоторых пор мы с ней стараемся не пересекаться. Даже едим в разное время.

– Нет. Учёба закончится, и поеду, – в том же тоне спокойно отвечаю я.

– А тебе учёба теперь уже будет не нужна, – насмешливо бросает она. – Там, у твоего отца, твой удел – метла и совок. Отщепенец!

– А я любой работы не боюсь!

– Ну вот и будешь улицу мести. Помяни моё слово! У неудачника-отца сын не может быть другим. Запомни, сыночек! На коленях меня просить будешь, но обратно я тебя не приму. И ещё учти! Компьютер с собой ты не возьмёшь. Пусть тебе твой папочка со своих копеек покупает!

И про компьютер не смогла не сказать! А вообще-то я брать его с собой и не собирался. Уж как-нибудь сам...

– Обойдусь.

А слово «сыночек» у неё прозвучало как-то по-змеиному свистяще. Надо же! Даже это меня укрепляет в моём решении. К любимому сыну так не обращаются. Значит, всё правильно! До конца мая осталось каких-то две недели, а там...

Пишу обо всём Маше. Пишу и представляю себе её лицо, волосы... Жаль, не на что, но так хочется взять и вдруг к ней заехать! Заехать, увидеть, обнять и... поехать дальше. Ой! Именно так я и написал в письме... Ну и хорошо!

Последний день в моей школе. Документы свои я уже забрал и теперь готов попрощаться со своими, теперь уже бывшими, одноклассниками.

– Димочка, на кого ты нас всех покидаешь? – с ехидцей спрашивает Анжелка.

Её вопрос должен быть чисто риторическим, поскольку после знакомства с Машей я под любым предлогом старался уклоняться от встреч с ней. Возможно, то, что называют женской интуицией, уже всё подсказало, но видно, что ей трудно свыкнуться с мыслью о завершении отношений. А что касается меня, то – секс сексом, но к Маше у меня возникло особое чувство. Неужели всё-таки влюбился? Но ведь Маша уехала...

– Да, ребята. Покидаю я вас! Даже билет уже купил. Так что – всё! – смеюсь я и пожимаю протянутые руки. – Буду вас в Питере вспоминать. Счастливо всем вам!

Билет я действительно купил, поэтому есть конкретная дата отъезда. Хотел обойтись плацкартой, поскольку денег на купе у меня не хватало. Но дядя Сурен просто заставил меня взять ещё дополнительную сумму, сказав, что это мне премия за всё хорошее. Долго объяснял, что сейчас в поездах всякое бывает и потому безопаснее ездить в купе. Потом вообще сам пошёл со мной и взял билет. Пусть на дополнительный поезд, как всегда в сезон, но – спасибо ему! А денег даже ещё немного осталось. Думаю, что они мне могут пригодиться в Питере. После моих здешних заработков совсем не хочется садиться на шею папе и тёте Тоне.

Выходим из школы всей компанией. Оборачиваюсь и смотрю на такое родное мне здание. Даже какая-то грусть охватывает. Что ж... Теперь главное – определиться, как мне уезжать. Мне очень не хочется пересекаться с матерью. Опять ведь скандал устроит! Теперь уже на прощание. Идея! Напишу ей записку, что я уехал, она и успокоится. Мы же ведь в последнее время вообще почти не общались.

Звоню в Петербург. Трубку берёт отец.

– Папа, привет!

– Здравствуй, сынок! Ну что, ты уже точно приезжаешь?

– Точно! Билет уже куплен. Так что ждите меня!

– Да мы, Димка, тебя давно уже ждём и будем очень тебе рады. А насчёт мамы не волнуйся. Думаю, что мы всё с ней сами решим. Тем более ты уже в таком возрасте, что можешь сам принимать решения. Ты какого числа будешь? Мы тебя встретим.

Диктую номер поезда, вагон и число.

– Так... Знаешь, Дима, я, видимо, тогда буду в рейсе, но ничего, Тоня тебя встретит. Короче, ждём!

В большую сумку складываю всё самое необходимое. Я понимаю, что там, в холодном Петербурге, мне понадобятся тёплые вещи и их придётся купить. Так не хочется вынуждать

отца тратиться. Надо будет что-то придумать, чтобы самому тоже зарабатывать или хотя бы летом подработать.

Сбрасываю на дискеты файлы, которые мне хотелось бы сохранить. Мой замечательный компьютер, к которому я так привык, мне больше уже не пригодится. Не жалею!

Ещё раз осматриваю свою комнату. Вроде всё взял.

Беру лист бумаги и пишу: «Мама! Я сегодня уехал в Петербург к папе. Согласись, что нам с тобой вместе жить невозможно. Только мотаем друг другу нервы. Если что-нибудь будет нужно, где найти меня, ты знаешь. Пока! Дмитрий».

Ну что ж... Прощай моё нынешнее жильё и все неприятности, с ним связанные! Грустно только что-то... Но в Петербурге меня ждёт папа. И это самое важное!

Пашка пришёл меня провожать. Стоим с ним около вагона. Разговор совсем не клеится. Тяжело и ему, и мне.

– Павлуха, я тебе звонить буду...

Он молча, глядя себе под ноги, кивает.

– Ну не молчи ты! – не выдерживаю я.

– А чего говорить? Знаешь же, что кроме тебя, у меня других друзей нет...

– Знаю... А может быть, после одиннадцатого класса приедешь?

– Зачем?

– Поступать вместе будем.

– Не знаю... Посмотрим.

Подходит дядя Сурен. Тоже пришёл меня проводить! Сунул мне в руку мешок с едой.

– На! Ведь сам-то, наверно, ничего с собой не взял?

– Не-ет... Спасибо, дядя Сурен!

Я действительно совсем не подумал, что надо будет что-то по дороге есть.

– Эх, дети, дети... Ладно, пошли в вагон. Посмотрю, как поедешь, – продолжает он, и мы вместе идём в моё купе. Пашка остаётся на перроне.

В купе уже сидят мои будущие попутчики, вернее, попутчицы. Это две молодые тётки. Явно возвращаются после отпуска – хорошо загорели на майском солнце. А я так на море и не выбрался со всеми своими заморочками.

– Здравствуйте! – первым здоровается дядя Сурен. – Вот, девочки, это ваш попутчик до Петербурга.

– Ой, как хорошо! – весело вскидывается одна. – А мы всё переживали, что какой-нибудь старый дед с нами поедет, а тут такой молоденький мальчик!

– Не волнуйтесь, я с вами не поеду, – усмехается дядя Сурен и добавляет: – Так что смотрите за ним, чтобы на станциях не бегал и чтоб от поезда не отстал.

– Не волнуйтесь, проследим, – улыбается вторая. – Тебя как зовут?

– Дима...

– Я – Ася, а это, – она показывает на подругу, – Света.

– Ну ладно, Дима, пошли пока выйдем на улицу, – зовёт мой провожающий.

На перроне он долго меня инструктирует, чтобы я следил за вещами и, главное, за документами и деньгами, чтобы держал их всегда при себе или под подушкой.

– Учти! Сейчас в поездах очень часто воруют! Девочки вроде нормальные. Только в купе никого не пускайте.

– Понял, дядя Сурен. Спасибо, – благодарю я, понимая, что он хочет напоследок уберечь меня от каких-либо неприятностей.

– Приедешь – обязательно мне позвони, что добрался до места.

– И мне тоже, – добавляет Пашка.

Ох... Как мне не хочется терять этих, уже дорогих, заботящихся обо мне людей.

– Дядя Сурен, а можно, вы вместо меня Пашку возьмёте? – опять прошу я, понимая, что тому деньги всегда нужны. – Он хорошо будет работать. Я уверен! Вам же всё равно помощь нужна...

Хозяин вздыхает, оценивающе смотрит на Пашку и... кивает.

– Ладно, Паша. Дима прав. Помощь мне нужна. Приходи.

– Отъезжающие, заходите в вагон! – командует проводник, молодой парень в форменной рубашке, расстёгнутой чуть не до пупа. Хотя – жарко!

Обнимаюсь с дядей Суrenom, потом с Пашкой.

– Павлуха, приезжай! Плохо мне будет без тебя...

– Ладно... Посмотрим. Ты всё равно позвони мне, – и ещё раз меня обнимает.

И вот уже поплыл за окном такой знакомый вокзал. Дядя Сурен и Пашка идут за поездом и машут. Поехали...

* * *

Поезд, на который удалось взять билет в июне месяце, как мне объяснили, в шутку раньше называли «пятьсот весёлый». Действительно, кланяется каждому столбу и стоит подолгу, потому что пропускает всех. Он – не скорый, а только пассажирский. Ну и ладно! Главное – доехать.

Четвёртого пассажира в нашем купе пока нет. Мои соседки, предварительно закрыв дверь, переоделись в халатики и уже блестят коленками. Стою в коридоре у окна и смотрю на проплывающий лес. Побережье с купающимися и загорающими людьми уже закончилось. Теперь идёт лес по горам. Смотрю и всё прощаюсь. Когда я это ещё увижу?..

– Дима! Иди к нам! – зовёт меня Света.

Поворачиваюсь к открытой двери купе. Ого! Там на столике уже разложена разная еда.

– Иди, поешь!

Это, конечно неплохо, ведь завтракал я уже давно.

– Да у меня тоже есть... – и начинаю вынимать из мешка то, что принёс мне дядя Сурен.

– Ой, тут такие вкусности! – восхищается Ася. – Ой, Светка, под такое надо доставать!

– Вот и достань.

На столе появляется литровая бутылка домашнего вина.

– Дима, ты вино пьёшь? – интересуется Света.

Мне это кажется смешным, ведь мы с пацанами уже всё пробовали, и давно.

– Пью. И не только вино, – смеюсь я. Только сейчас начинаю понимать, что у меня наступила свобода. Мне не надо думать, что к девяти я должен быть дома, у меня не будет скандалов, мне, по крайней мере пока не приеду в Питер, никуда спешить не надо и главное сейчас – скоротать время в поезде. И вообще я отвечаю за себя сам!

– Вот и хорошо, – удовлетворённо произносит Света, и на столе появляются пластиковые стаканы.

Вино, конечно, не ахти, но пить можно. Становится веселее. Болтаем обо всём. Я уже знаю, что они обе из Твери. Тётки разошлись, всё вспоминают, какие у них были на курорте мужики. Уверен, что они к нам только трахаться и приезжали. Переглядываются, на меня поглядывают. Потом начинаются шуточки разные... Теперь проводника нашего обсуждают.

– Слушай, мы с тобой совсем мальчика развратим, – хихикает Ася.

– Поздно, – фыркаю я, и веселье продолжается в том же духе.

Уже десять вечера. Выпитое вино приятно играет. Очередная маленькая станция. Стоим с проводником Валерой у вагона и курим. Мы с ним познакомились почти сразу после отправления. Оказывается, ему всего двадцать один. После армии некуда было податься на работу, вот он и устроился проводником на дополнительный поезд. Это у него всего второй рейс.

Теперь я выхожу с ним покурить на каждой остановке. Вообще-то я не любитель курить, разве только во время выпивки.

– Чего, гуляете? – с явной завистью спрашивает Валера.

– Угу...

– Классные бабы у тебя... А я тут вот... – он вздыхает. – Прошлый раз, когда ехали в Питер, так меня одна сама заклеила. Хоть сорок лет, но классная...

– Так ты подваливай! Нас трое, будет четверо, – без задней мысли предлагаю я, ощущая в себе приятную лёгкость и желание приключений.

– Чё, правда?

– Конечно!

– Слушай, следующая стоянка будет аж полчаса. Я сбегаяю... Ну чтоб не с пустыми руками! Начальник поезда в это время как раз сам начнёт расслабляться, так что проверок не будет. А ты там предупреди...

Вот мы сидим уже вчетвером. Мои попутчицы с приходом Валеры ещё больше повеселели. Он принёс бутылку коньяка. Палёный наверняка, но нам это уже по барабану. Возникает давно знакомая мне ситуация, когда происходит деление на пары. Так мы с парнями делали, когда с девчонками знакомились. Сейчас, поскольку Ася с самого начала усадила меня около себя, Валера сидит напротив рядом со Светой. В купе полумрак, включён только ночник, дверь закрыта... Не знаю, что там под столиком с той стороны, но голая нога Аси уже давно трётся о мою, сама она слегка прилегла на моё плечо, а мою руку положила себе на талию. Под парами спиртного это так возбуждает!

Поезд грохочет по стрелкам и снижает скорость. Сейчас будет очередная стоянка.

– Димка... Сейчас стоянка будет, – тихо начинает Валера. – На, возьми трёхгранку. Открой тамбур, вдруг кто-то садиться будет.

– Пойдём... – почти шёпотом говорит Ася. – Я составлю тебе компанию.

Мне в общем-то всё уже ясно.

– А если в это купе?

– В это купе не будет. Я дал начальнику сведения, что тут комплект, – усмехается проводник.

Поезд останавливается. Спускаемся с Асей на маленькую платформу.

– А ты понятливый, – смеётся она.

– А чего тут непонятного? Дело житейское, – беззаботно хмыкаю я и ехидно добавляю: – А ты за мной, как и просили, присматриваешь?

– Ну так просили же! Так что ты – мой подопечный!

Поезд трогается. Закрываю тамбур. Хорошо, что никого чёрт не принёс! Ясно, что к купе идти нельзя. Стоим с Асей в коридоре около кипятильника. Первый час ночи. Вагон спит. Валера сказал, что в поезде нет ресторана, поэтому хождения туда-сюда по вагонам тоже нет.

– Слушай, подопечный, а ты целоваться-то умеешь? – вдруг спрашивает Ася.

– А то!

– Тогда покажи умение... – и сразу же сама начинает сосать мои губы. Хорошо, что никто не мешает!

Раздаётся шелчок замка, дверь купе открывается, и показывается взлохмаченная голова Валеры. За ним выходит Света.

– Ваша очередь, ребята! – проходя мимо нас, как бы невзначай, роняет она.

– Пойдем, я за тобой присмотрю, – со смешком говорит Ася и тянет меня за собой.

Дверь за нами закрывается, снова шелкает замок. Уютный полумрак...

– Судя по тому, как ты целуешься, тебе не надо ничего объяснять... – и её пальцы начинают растёгивать на мне рубашку.

– Не надо... – мой голос звучит неожиданно хрипло. Почему-то перехватывает горло. Не знаю, что больше меня пьянит – выпитый алкоголь или чувство полной свободы и безнаказанности, а значит, вседозволенности. Всё дальнейшее происходит молча.

Чёрт! До чего же неудобно на узкой вагонной полке.

В Твери обе наши подружки выкатываются из вагона в объятия встречающих их счастливых мужей. С ухмылкой смотрю на бурную встречу из окна вагона. Конечно, славненько я провёл эту часть своего пути. Приятно вспомнить. Да и Валера, с которым мы уже скорешились, доволен.

Правда, кое-что мне не даёт покоя. Ведь когда-то и я женюсь, и моя жена тоже будет, наверно, куда-то там уезжать. А ведь так хочется верить... Но ведь есть такие женщины, как Маша! Маша... Как вспомнил, так сразу же стало совсем неудобно. Но где сейчас она, и где я. Или теперь что, вести монашеский образ жизни?

Часть 2

Бэтмен

Поезд медленно подходит к перрону вокзала в Петербурге.

– Ну, Димка, держи корягу! – Валера протягивает мне руку. – Тебя встречают?

– Да, тётя Тоня должна прийти. Давай, Лерич! Бывай!

– Слушай, запиши мой телефон. Может, как-нибудь пересечёмся, когда не буду в рейсе?

Валерка неплохой парень, он не подчёркивает, что старше меня. Можно бы встретиться, ведь здесь пока у меня нет никаких друзей. Записываю телефон.

Выйдя на перрон, начинаю крутить головой. Тёти Тони я не вижу. Ну что ж... Подожду, может быть, она опаздывает.

Прошло уже почти полчаса, но тёти Тони всё нет.

– Ну что? Не встречают тебя? – интересуется Валерка. Поезд ещё не убрали в отстойник, и он всё это время наблюдал за мной.

– Что-то нет...

– Адрес-то знаешь, куда ехать?

– Знаю... Ладно! Пока! Сам поеду, – решаю я, накидываю на плечо ремень своей сумки и протягиваю руку. – Бывай, Лерич! Я позвоню.

Последний раз в Петербурге я был года два назад, поэтому более-менее ориентируюсь и до дома на канале Грибоедова доберусь. Квартира в этом старом доме с двором-колодцем досталась отцу по наследству от его отца, моего дедушки. Когда я приезжал сюда в тот раз, я его ещё застал, а бабушки уже не было. После развода с моей матерью папа вернулся в родной город, где родился и вырос. Мать почему-то сильно не любит Питер, возможно, потому что всегда жила на юге. Она говорит, что этот город холодный и противный. Папа с ней познакомился во время своего отпуска у моря, а после свадьбы она настояла, чтобы он переехал жить к ней. Ну а потом всё вернулось к исходному состоянию.

Шагаю от Сенной площади к каналу Грибоедова. С интересом смотрю вокруг. Да... Здесь всё то же. Такая же грязь, такие же разноликие ларьки стоят на улицах, да и торгуют тем же, чем и там у нас. Хотя почему «там у нас»? Всё! Теперь «у нас» – это здесь, в славном Санкт-Петербурге.

Старый лифт в запylённой стеклянной шахте медленно ползёт на четвёртый этаж. Вот и знакомая площадка. Звоню. Сначала тишина, а потом раздаются какие-то шаркающие звуки. Щелчок, и дверь открывается. Ой-ой-ой... Тётя Тоня стоит, опираясь на костыль, а нога в гипсовом валенке.

– Димочка! Здравствуй, дорогой! – она обнимает меня и целует в обе щеки. – Ты извини, что не встретила. Видишь, вчера вот ногу сломала. Хорошо, что добрые люди помогли до дому добраться. Заходи! Ты уж извини, но я ничего к твоему приезду приготовить не смогла. Даже в магазин не выбраться.

Вспоминаю Машу и как я за ней ухаживал. Раз справлялся там, значит, и здесь справлюсь.

– Тётя Тоня, вы не волнуйтесь! Теперь, когда я приехал, всё будет хорошо, – решительно заявляю я. – Сам везде схожу и всё сделаю.

Обращаю внимание на её взгляд. Хоть и очень добрый, но явно недоверчивый, мол – юношеское бахвальство. Ну ничего! Я сумею показать товар лицом. Да! Надо ещё доложить дяде Сурену и Пашке, что добрался.

Мне отвели одну из комнат с входом из узкого коридора. Она небольшая, но мне это всё равно, главное – есть где спать. Всё-таки не смогла мамаша меня приучить к требованию

всегда и везде особого комфорта! Моя комната самая дальняя. Две другие, которые поближе, тоже выходят в коридор.

Раскладываю свои вещи в шкафу. В магазин уже сбегал и на оставшиеся деньги купил разной еды. Сварил пельмени, и мы с тётей Тоней поели. Рассказал ей о том, о чём можно было рассказывать из последних событий моей жизни. Теперь в самый раз подумать, как жить этим летом до начала занятий в школе. Ясно, что надо помогать папе, а это значит, что надо искать заработок.

Поймал себя на том, что, осматривая своё новое жильё, прикидываю, как лучше сделать ремонт. Видно, что, квартира давно не ремонтировалась, и это понятно, ведь у папы времени на это нет – надо деньги зарабатывать. В общем, кое-какие навыки, приобретённые мной при восстановлении разрушенного хозяйства у Пашки, могут пригодиться. Когда приедет папа, обязательно с ним поговорю. Я уже понял, что за время работы у дяди Сурена я стал смотреть на многое по-другому, как-то по-хозяйски, что ли... Интересно, может, это потому, что стал сам зарабатывать? Надо будет над этим тоже подумать...

Сегодня должен приехать папа. Скажу честно – жду его с нетерпением. Всю неделю, которую я здесь живу, думаю о нашей встрече. Ну конечно, не только думаю! Стараюсь во всём помогать тётке Тоне: магазин, кухня и всякое другое. Стиральная машина тут теперь есть, и я её осваиваю.

Несколько дней потратил на поиски работы. Учтывая свой прежний опыт, одевшись похуже, ходил по ларькам. Пока всё бесполезно. Тётя Тоня посоветовала взять у метро бесплатные рекламные газеты и поискать там. Ну что я там буду искать? Что я вообще могу, кроме того, что чего-то там таскать у ларьков? Так... Таскать... Вozить... Развозить! А может, курьером куда-нибудь? Только для такой работы надо знать город. Ну ничего, узнаю!

На звонок в дверь бегу открывать.

– Ну здравствуй, сынок!

Папа! Обнимаемся. Мой папа!

– Папка... Я так скучал! Целых два года... Даже больше.

Почему-то появляются слёзы. Но мне так приятно, что меня обнимает мой папа.

– Ты таким ладным стал! – он похлопывает меня по плечам. – Молодец, что приехал! Наконец у нас всё будет хорошо.

– Здравствуй, Серёжа! Наконец...

Это приковыляла тётя Тоня. Теперь обнимаются и целуются они.

Потом мы сидим за столом втроем. Обращаю внимание на то, что после рассказа тёти Тони о нашем недельном житье папа стал смотреть на меня по-другому.

– А ты уже – мужик... – одобряет он.

– Только этот мужик пока себе работы найти не может, – со вздохом признаюсь я и рассказываю про свои поиски.

– Ты бы отдохнул. По музеям бы походил. Ведь в Санкт-Петербург приехал! Свой город надо знать!

– Папа-то правильно говорит. Это теперь твой родной город. Ты должен его знать. А насчёт отдыха – у тебя одиннадцатый класс впереди! – поддерживает отца тётя Тоня.

– Вот устроюсь курьером куда-нибудь и буду узнавать. А отдыхать... как-нибудь потом.

У меня здесь постоянно приподнятое настроение. Это даже несмотря на отсутствие пока работы. Я счастлив в этой милой и доброй обстановке. Хочется всё сделать, всё успеть. А главное – хочется быть нужным!

– В общем, сынок, поступай, как считаешь правильным... Только держи нас с Тоней в курсе, чтобы мы могли тебе в случае чего что-нибудь посоветовать или даже помочь. Договорились?

– Конечно, договорились! – с энтузиазмом киваю я.

Ура! Сегодня я принёс свою первую в Петербурге зарплату. Вернее, получив её, я сразу купил продуктов. Тётя Тоня обняла меня и назвала «кормильцем». Это так приятно! Сама она пока из-за сломанной ноги на свою работу ходить не может.

Я действительно устроился курьером по объявлению в бесплатной газете. Фирма занимается продажей компьютеров и деталей к ним. Модная нынче тема. Теперь каждый день мотаюсь по всему городу и отвожу всякую мелочь из офиса в магазины этой фирмы, а их в ней два. Ну и ещё езжу к партнёрам шефа по бизнесу с разными документами.

Как я понял, меня взяли неофициально, так же, как я работал у дяди Сурена. Мой нынешний хозяин – мужик средних лет, где-нибудь лет тридцать пять. Простой такой, спокойный... Платить он мне обещал раз в неделю, и вот за первую неделю рассчитался. Конечно, после такого хозяина, как дядя Сурен, мне приходится привыкать и к другому хозяину, и к другим отношениям. Мой нынешний, Станислав Иванович, – конечно, немножко жмот, потому что за лишнее старание не платит.

Написал письмо Маше, сообщил свой новый адрес и рассказал про свои дела. Когда писал, то так ясно её представлял! Маша... Даже стало стыдно за приключение в поезде. Увидимся ли мы с ней ещё когда-нибудь?

Ещё позвонил Пашке. Он работает у дяди Сурена и этим доволен, только голос у него грустный какой-то.

В нашей квартире после моего деда осталась целая библиотека. Как-то раньше у меня не было желания читать. По-моему, литература, как её преподают в школе, отобьёт такое желание у любого. А тут вдруг потянуло, и теперь в свои городские поездки я стал всегда брать с собой книгу и читать в метро даже привык. Да и вечерами – оказалось, что это куда интереснее, чем щелкать пультом у телевизора. Я специально не выбирал книгу для чтения, вернее, мне было всё равно, что читать в метро, а поскольку не хотелось ничего длинного, взял рассказы какого-то Зоценко.

Тётя Тоня, увидев меня с книгой, интересуется, что я читаю. Показываю.

– Ну и как это тебе? – странно качнув головой, спрашивает она.

Когда я сам пытался ответить себе на этот вопрос, то это у меня не получилось.

– Сам не понимаю, – признаюсь я. – Вроде всё у него смешно, но от этого смеха что-то не по себе... Но бросать не хочется.

Тётя Тоня с улыбкой смотрит на меня, и улыбка у неё какая-то, я бы сказал, поощряющая. Вообще она часто улыбается. Пытаюсь вспомнить, когда видел улыбающейся свою мать. Что-то не припоминаю.

– Знаешь, Дима, когда прочитаешь, если захочешь – можем поговорить про Зоценко. Вообще это замечательный писатель!

Опять начинаю сравнивать. Ну не помню я, чтобы матушка когда-то интересовалась тем, чем я занимаюсь, а тем более хотела бы это со мной обсуждать. А тётя Тоня... Мне её заинтересованность очень приятна! Когда моими проблемами заинтересовалась Маша, мне тоже стало приятно. Пашка тоже всегда интересовался... Именно поэтому эти люди стали мне дороги. Да и скорее всего любому человеку приятно, когда им интересуются, и тогда человек тоже начинает проявлять интерес к интересующимся им людям. Наверное, именно так возникает дружба. Другу можно сказать всё и не бояться, что он это не так воспримет. Если ты не прав, он поругает, если прав – одобрит. Дружба может быть и между родственниками. Ведь мой отец мне друг! Вот сейчас он опять в рейсе, и мне его не хватает. Пашки мне тоже не хватает. И Маши... Тётя Тоня – тоже мой друг. Как она со мной говорила, когда я звонил? Успокоила, обнадежила...

* * *

Аркадий Михайлович – хозяин фирмы, которая сотрудничает с фирмой Станислава Ивановича. У него в офисе я часто бываю. Этот Аркадий Михайлович – мужик уже в годах, где-то за пятьдесят, наверно. Когда я к нему приезжаю, то он всегда встречает приветливо, всегда шутит, правда, иногда как-то неприятно, с блатными выражениями. Ну и бог с ним!

Сегодня я только что очередной раз привёз сюда документы от своего шефа и сейчас, сидя в маленькой приёмной, ещё чего-то жду, чтобы отвезти назад. Дверь кабинета слегка приоткрыта, и мне слышно, как Аркадий Михайлович разговаривает по телефону.

– Стасик, дорогой! Полный расчёт я тебе pošлю сегодня же, – звучит его бархатный голос. – Твой Дима и привезёт. Сейчас посылка готовится.

Я понимаю, что он говорит с моим шефом и что разговор идёт про деньги. Да... Этого мне возить ещё не приходилось.

– Нет, Стасик! Хранить у себя такую сумму я не могу. Сам понимаешь... Нет... Машину ему я дать тоже не могу. Самому нужна до зарезу... Я понимаю... Жаль, конечно, что твоя всё ещё в ремонте, но ничего не поделаешь. Уж извини... Ну а кого я с ним отправлю? Да не беспокойся ты! Дима твой – отличный парень, надёжный, да и на нём же не будет написано, что он бабки везёт. Всё будет в дипломате.

Что-то мне не по себе стало. В своё время ещё моя мамаша обмолвилась, что перевозка денег – одно из самых опасных мероприятий. Конечно, льстит, что мне такое доверяют, но... Может, что-то тут не так? Уж очень всё сходится на том, что мне придётся одному их везти. Страшновато...

– Дима! Зайди ко мне! – слышу я вызов в кабинет.

Вхожу, и Аркадий Михайлович даёт мне трубку телефона.

– На! Твой начальник хочет с тобой поговорить.

– Я слушаю.

– Дима, ты сейчас повезёшь мне... деньги, – голос Станислава Ивановича сильно напряжён, и говорит он отрывисто. – Очень большие деньги. Я этого не хотел, но другого выхода нет. От этого многое для меня зависит. По-другому, к сожалению, не получается. Дима... Они мне нужны срочно. В общем, меня поставили в безвыходное положение. Я тебе доверяю. Только очень прошу – будь крайне осторожен. Крайне осмотрителен. Понял меня?

– Понял, Станислав Иванович. Привезу. Обещаю.

Ну вот. Концы я себе обрубил.

– Так, Дима. Сейчас тебе всё подготовят. Ты пока кофе попей.

Аркадий Михайлович показывает мне содержимое дипломата. Такого количества денег я ещё в своей жизни не видел. Тут одни доллары...

– Позвони своему шефу и скажи, что груз принял, – подсказывает он.

Звоню и докладываю.

Наконец выхожу на улицу. Пока пил кофе, о чём только не передумал. Вспомнил все детективы, которые когда-то читал, все книги про разведчиков. Всё думаю, как мне себя с таким грузом вести. Останавливаюсь и закуриваю. Нервяк страшный, а так бы, наверно, не стал курить. Какое-то время стою с сигаретой около крыльца, потом инстинктивно поворачиваю в противоположную от постоянного маршрута сторону и оказываюсь под окнами офиса Аркадия Михайловича. Моё внимание привлекает знакомый, именно его бархатный голос, а двор-колодец, кажется, даже слегка его усиливает.

– Так, парни... Он вышел десять минут назад. Пора! И запомните – никакого грохота. Тихонько сзади подошли, под ручки взяли, в подворотню затащили, чемоданчик отобрали – и ходу!

– А если он будет сопротивляться? – слышу я вопрос.

– Будет сопротивляться – сами знаете, что делать. Не мне же вас учить! Хотя не думаю, что он будет сопротивляться. Не амбал. Хлипковат он против вас. Ну а если всё-таки будет серьёзно упрямиться... Повторяю: не мне вас учить. Вообще сейчас такая жизнь, что трупом больше, трупом меньше... Был пацан – и нет пацана. Действуйте по обстановке. Учтите, я не собираюсь терять такой куш!

У меня чуть не подгибаются колени. Значит, по дороге меня скорее всего грохнут, а потом всё спишут на то, что я с этими деньгами сбежал. Интересное кино...

Конечно, есть выбор. Можно просто отдать грабителям дипломат и постараться унести ноги, но я же обещал всё привезти! Практически дал слово. Да... Раз слово дал, то действительно обрубил себе концы. На меня шеф надеется, а значит, я должен выполнять обещание.

Ноги уже сами несут меня к выходу на улицу. Понимаю, что надо куда-то прятаться и заметать следы. Только куда? На удачу, подходит трамвай. Мне плевать – какой! Бегу к нему и вскакиваю на заднюю подножку. Ого! Трамвай догоняют ещё двое. Наверняка это те, кого послал Аркадий Михайлович. Прикинув, перехожу к передней двери. Главное – так рассчитать, чтобы соскочить, когда они будут уже в трамвае. Конечно же, они поймут, что я тоже всё понял, но тогда игра пойдёт в открытую.

Всё получилось! Я выскакиваю, двери за мной захлопываются и трамвай трогается. Счастливого пути, парни! Теперь нужно брать ноги в руки. Резво стартую в противоположном направлении. Ох... Трамвай, проехав немного, останавливается. Понятно: заставили остановиться. Бегу быстрее, думаю на бегу. Мысли просто прыгают в голове. Ясно, что они от меня не отстанут. Чёрт возьми! Я же, в конце концов, – кандидат в мастера по самбо! Они-то ведь этого не знают! И меня учили отражать атаки противника с холодным оружием. Только как я их могу отразить, если у меня в руке дипломат. Он же мне будет мешать! Придётся рисковать...

Бегу вдоль улицы и, озираясь, ищу подходящий двор, чтобы спрятать свой груз, а потом встретить моих преследователей.

Отлично! Эффект неожиданности сработал. Имея обе руки свободными, первого я вырубил практически сразу. Кажется, даже покалечил немного. Катается по асфальту и матерится. А второй – крепкий орешек. Ещё и ножом размахивает! Смешно, но нападать должны были они, а получилось наоборот. Ну вот... Нож удалось выбить, теперь будет легче. Ох... Первый пытается встать... Так! Моя нога попала ему, кажется, в лицо. Короче, лёг снова. На очереди второй. Ну вот, уложил и этого. Спасибо тренеру за то, что показал ряд запрещённых приёмов. Бегу к тайнику, хватаю дипломат – и ходу!

В кабинет к Станиславу Ивановичу вваливаюсь, не обращая внимания на сидящих там людей. Наверно, видок у меня такой, что шеф вскакивает мне навстречу.

– Дима!..

– Вот... Меня чуть не убили, – вырывается у меня, когда я протягиваю ему дипломат.

– Садись, садись... – бормочет он, отставляя его в сторону и, повернувшись к присутствующим, объявляет: – Соплевание окончено. Все свободны.

Люди выходят. Только сейчас я замечаю, что рубашка на мне порвана, на руках царапины и ссадины, может, и на шее есть, потому что болит.

– Рассказывай, что случилось, – Станислав Иванович садится напротив меня. К дипломату пока не притронулся.

Рассказываю всё, в первую очередь то, что подслушал под окном его приятеля.

– Да... Вот сука... – бормочет шеф, глядя в окно, потом поворачивается ко мне: – То есть ты изначально знал, что за тобой будут охотиться?

Молча киваю. Он смотрит на меня, тоже молча, закусив губу, и покачивает головой.

– Бандитские времена... Прости меня, Дима. Спасибо тебе! Мне эти деньги нужны были сейчас и срочно, но поверь, если бы я знал... В общем, никогда бы не позволил тебе так везти этот... груз. Я твой должник.

Отчётливо вижу на его лице раскаяние.

– Ладно, давай откроем, – Станислав Иванович встаёт и открывает дипломат.

Деньги лежат, как лежали. Кажется, у меня вырывается вздох облегчения.

– Всё на месте... – тихо произносит шеф, поднимает на меня глаза и берётся за телефон. – Сейчас ничему не удивляйся.

Набирает номер...

– Аркадий Михайлович! Спешу вас успокоить, деньги у меня. Всё в порядке! Спасибо вам огромное! Дима действительно – надёжный человек. Ну, будьте здоровы! – при этом он странно улыбается, кладёт трубку и уже совсем другим тоном объясняет: – Так надо было, Дима. С волками жить...

– Ну я пошёл? – страшная усталость уже валит с ног. Похоже, я держался только на чувстве долга, а теперь, когда работа выполнена, так всё навалилось...

– погоди, Дима. Садись.

Снова опускаюсь на стул.

– Слушай меня внимательно. О том, что ты подслушивал под окном, никто знать не должен. Повторяю: никто! Аркадий этого не знает, а если узнает, то за тобой может начаться новая охота. Ты меня понял?

Киваю.

– Именно поэтому я ему позвонил и разыграл благодарность. Он должен считать, что его план просто сорвался. Ещё раз повторяю: нигде и никому! Информация порой течёт неизвестными нам путями, а мы сейчас живём в бандитской стране. Когда это закончится, я не знаю, поэтому осторожность должна быть во всём, даже когда просто по улице ходишь. Ты хорошо понял то, что я тебе сейчас сказал?

Станислав Иванович смотрит мне прямо в глаза, как будто гипнотизирует. Снова киваю. Взяв пачку долларов из дипломата, он что-то отсчитывает.

– На. Ты это честно заработал. И ещё раз – прости меня! Я очень виноват перед тобой.

Беру деньги. Да... Напрасно я называл его жмотом. В своих руках такой суммы, даже если не переводить в рубли, я тоже ещё не видел. Мне становится неудобно.

– Станислав Иванович... Может... Может, этого много?

– А ты подумай, сколько стоит твоя жизнь, которой ты рисковал? Теперь иди, отдыхай. Завтра и послезавтра тоже отдыхай, – и очень крепко жмёт мне руку. – погоди, сейчас такси тебе вызову.

– Димочка! – тётя Тоня всплёскивает руками, увидев мой вид. Она уже более-менее ходит по квартире. – Серёжа! Серёжа! Иди сюда скорее!

Отец как раз только вчера вернулся из рейса.

– Димка! Что с тобой?

– Да всё нормально, – пытаюсь отбиться я. – Вот сейчас помоюсь, посплю, и будет совсем хорошо.

– Дима, что случилось? – наступает тётя Тоня.

– Ну подрался я... – вытаскиваю только что полученные деньги и протягиваю ей. – А это нам на прожитьё.

Наступает тишина. И отец, и тётя Тоня смотрят на пачку долларов, потом на меня. Понимаю, о чём они могут, не дай бог, подумать.

– Не волнуйтесь, не украл. Честно заработал. Только вот чуть при этом не убили... – последнее вырывается у меня совершенно случайно, и, конечно, напрасно я так. Надо как-то заглаживать. – Ладно... Пойду помоюсь.

Помылся, всё рассказал, естественно, кроме того, что нападение было заранее спланировано, и теперь вижу состояние моих слушателей. Можно было бы не рассказывать, чтобы не пугать, но ведь сам ляпнул лишнее.

– Димочка... – тётя Тоня прижимает мою голову к себе. – Димочка... Обещай мне, что больше в такие авантюры ты не полезешь. Я тебя очень прошу!

Ну прямо будто она мне мать родная! Да за такое можно ещё в десяток таких авантур влезть.

– Тётя Тоня, но ведь нам же деньги нужны! – пытаюсь возражать я.

– Но не такими жертвами!

Почему-то снова вспоминаю Машу. Ради заработка она даже собой торговала.

– Ладно! Тоня, пока обработай его ссадины, а разговоры – это потом, – вмешивается отец.

В моей комнате я лежу на своем ложе, которое представляет собой широкий самодельный топчан с матрасом, и старательно перемалываю в голове все сегодняшние события.

Всё-таки, как видно, я ещё не до конца привык к состоянию тепла и любви, в которое здесь окунулся. Может, только сегодня я начал понимать, что это состояние требует от меня ответственности и своеобразной осмотрительности в поступках, от которых зависит душевный комфорт по-настоящему близких мне людей. Но ведь моя мамаша тоже стремилась к своему внутреннему комфорту! Но как она к нему стремилась...

А насчёт Станислава Ивановича – ошибся я, когда подумал, что он жмот. Хороший он мужик, совестливый. А Аркадий – натуральная гнида. Надо же! Ведь меня могли просто так грохнуть... Это опять папе спасибо, что отвёл меня на самбо. Если бы не моя натренированность, то всякое могло бы случиться. А с другой стороны – если бы я не знал, что могу за себя постоять, то, наверно, не стал бы рисковать, да и вообще вёл бы себя по-другому. Тогда что же получается? Значит, мой уровень, а вернее, мои навыки в самообороне и где-то в нападении сделали меня таким, какой я есть, то есть, получается, воспитали мой характер? Я почти не боюсь сложных ситуаций, могу рисковать... А если бы я был сверхчеловеком, каких любят показывать в кино янки, и от избытка возможностей мог бы себе позволить всё? Каким бы я был тогда?..

Входит папа и садится рядом.

– Сынок, ты вообще понимаешь, что могло бы произойти? – его голос звучит устало и тускло. – Мы же с Тоней тебя очень любим и беспокоимся за тебя. Тоня так вообще готова с тебя пылинки сдувать. Ты, конечно, не знаешь, но у неё из-за давней болезни, к сожалению, нет и не может быть детей, поэтому ты для неё – сын. Да-да! Она тебя воспринимает и любит, как родного сына. Может быть, даже я меньше испугался, чем она. Подумай об этом! Димка, ты нам очень дорог. Ты должен это знать и об этом вспоминать, когда следующий раз соберёшься куда-то соваться. Договорились?

– Договорились, – вздыхаю я и перевожу разговор на другую тему. – Папа, скажи... Ведь получается, что человек в своих поступках позволяет себе пропорционально своим возможностям. Ну там – способностям, умениям. То есть чем больше может, тем больше себе позволяет. Так?

Отец, собравшийся было уходить, снова садится.

– А почему ты так решил?

– Если бы я семь лет не занимался самбо и вообще единоборствами, то наверняка бы поосторожничал и не решился на такое приключение. А если бы я был, например, сверхчеловеком с неограниченными возможностями?

– Ты имеешь в виду, что тогда мог бы в лучшем случае по собственному разумению чинить свой суд и расправу?

– Ну да...

– А в худшем – понимая свою безнаказанность, творить то, что сейчас называется беспределом. Так?

Молчу, понимая, что его логика убийственна.

– Знаешь что, Дима, я порекомендую тебе прочитать одну книгу. Мне Тоня уже сказала, что ты начал читать хорошую литературу, и это прекрасно. Про Достоевского ты, конечно, слышал?

– Слышал. Даже в школе что-то было...

– Прочти у него «Преступление и наказание». Там один молодой человек решил присвоить себе право карать по своему разумению. Прочти, а потом, если захочешь, поговорим.

* * *

– Здравствуй, Дима! – с улыбкой приветствует меня, при этом крепко сжимая мою ладонь, Станислав Иванович, когда я после своего отсутствия появляюсь в его офисе. – Как себя чувствуешь?

– Нормально. Готов к выполнению следующего задания, – в ответ тоже улыбаюсь я.

– Знаешь, я тут подумал и решил, что тебе пока лучше поработать в офисе. Как говорится, чем чёрт не шутит после всех событий. Уже август, и скоро ты пойдёшь дальше учиться, поэтому мне всё равно придётся кого-то искать на твоё место. Но мы с тобой договорились на срок, а я своих слов на ветер не бросаю. Так что до истечения срока нашей договорённости поработаешь тут. С компьютером, как я понял, ты общаешься нормально, а что делать, объяснят. Да и тебе это будет полезно. Пойми, боюсь я за тебя, Дима. Обещаю, что на твоей зарплате в меньшую сторону это не скажется. Договорились?

– Договорились... Только, Станислав Иванович, может, всё-таки, пока вы не найдёте...

– Нет! – очень жёстко прерывает он меня, но потом смягчается. – Понимаешь, Дима, я убеждён, что надёжных и верных сотрудников надо беречь. Свои человеческие качества ты продемонстрировал. К сожалению, сейчас верность и надёжность не в почёте. Я рад, что с тобой познакомился, и жалею, что ты скоро нас покинешь, поскольку хотел бы видеть тебя своим сотрудником и дальше. Но учиться тоже надо. Не знаю, какое у тебя отношение к учёбе, но кто бы тебе ни говорил, что сейчас, в наше бурное время, образование не нужно, не верь! Бурные и бандитские времена обязательно пройдут, и всё успокоится, а диплом, тем более аттестат, всегда будет нужен, если хочешь в дальнейшем быть востребованным. Слышал такое слово?

– Слышал, – киваю я. – Я вообще-то после школы в университет собираюсь.

– Вот и прекрасно! Поэтому хорошо учишься в школе, – с доброй усмешкой благословляет он и добавляет: – Хотя, повторяю, я бы не возражал сотрудничать с тобой и дальше. Уверен, что идти подрабатывать тебя жизнь заставила, поэтому, если эта капризная дама снова будет с тобой суровой, милости прошу. Место я тебе найду, это ты имей в виду! – и улыбается. – Видишь, как я в рифму закончил!

После этого он ведёт меня в отдел доставки и сдаёт на попечение некоей Маргарите Петровне. Ну что ж... Буду постигать офисную работу!

Пришло письмо от Маши. Хорошо, что теперь она может писать мне на домашний адрес! Вообще я про Машу вкратце рассказал, так что тётя Тоня, которая уже понемногу выходит на улицу, с улыбкой отдала мне письмо, только что вынутое ею из ящика. Торопливо вскрываю конверт.

«Дорогой мой Митя!

Была очень рада получить от тебя письмо. Слава богу, что ты наконец обрёл спокойную жизнь среди любящих тебя людей. Очень рада за тебя.

Я кое-как устроилась на работу. Мою полы в нашей сельской администрации. Это хоть какие-то деньги, пусть и очень маленькие, но мне совсем не хочется вспоминать то, чем мне приходилось заниматься там, на курорте.

Очень часто разговариваю с Егоркой. Теперь понимаю, что мой отъезд был ошибкой. За год без меня он сильно изменился. В нынешнем его возрасте за ним нужен глаз да глаз. Рассказала ему про тебя и дядю Сурена. Хочу, чтобы он знал, что хорошие люди есть везде и всегда. Я всё стараюсь ему объяснить, что мы с ним остались одни на этом свете и надо держаться друг за друга. Правда, когда я это ему говорю, он почему-то спрашивает про тебя. Интересуется, почему я не вышла за тебя замуж. Маленький ещё... А я, когда тебя вспоминаю, всегда улыбаюсь. Хотя мы с тобой были знакомы так недолго, но ты для меня стал действительно солнышком.

Целую тебя, мой дорогой! Твоя Маша».

Да... Как бы мне хотелось её увидеть. Как жалко, что они живут не в Питере. И как же до неё далеко...

Вечерами дома потихоньку делаю ремонт в квартире. Папа мне всё показал и опять уехал в рейс. Мы с ним начали с кухни. Пригодились те деньги, которые я принёс после своего приключения. Как их распределять, решали все вместе. Родители, а я их обоих теперь называю только так, настояли, чтобы сразу же мне были куплены к зиме тёплые вещи.

Когда я вожусь на кухне со шпаклёвкой и краской, тётя Тоня пытается мне помогать. Несмотря на прошедшие после перелома два месяца, проблемы с ногой ещё остались, и поэтому приходится аккуратно отодвигать её от таких дел. А мне приятно, что кое-что уже могу делать сам. Это действительно здорово, когда человек может что-то сделать своими руками. Пусть сначала не всё получается, но потом навык приходит!

В школу уже оформился. Это обычная школа, не гимназия, не лицей какой-нибудь. Сюда я ходил два года назад, когда меня мать к отцу отправляла. Только тот класс, в котором я тогда учился, в этом году выпустился, и поэтому никого из знакомых там у меня сейчас нет. Ну что ж, буду обзаводиться новыми. Вообще так хочется, чтобы побыстрее всё вошло в колею, чтобы быстрее отучиться в одиннадцатом, а потом куда-то поступить. Пока я не знаю куда, но, конечно же, определяюсь. Станислав Иванович прав – надо обязательно получить диплом, чтобы быть востребованным.

* * *

Мой первый день в знакомой питерской школе. Оделся, как всегда: джинсы, кроссовки и моя старая куртка. Сразу вспомнил про Пашку. Пусть ему будет тепло в той, когда-то моей новой! Надо будет ему позвонить, а то что-то я со всеми своими заморочками забыл про своего единственного друга.

Вхожу в новый для себя класс.

– Здравствуйте...

– Привет, коли не шутишь, – отвечает кто-то из парней. – Заблудился, сынок?

– Нет. Учиться здесь буду, папочка, – отвечаю ему в тон.

Рассматриваю говорящего. Понятно... Видимо, это здешний коновод, уж больно крупный и наглый. Развалился по-хозяйски... Ладно, это я потом разберусь.

– Где есть свободное место?

Вопрос задаю спокойно, хотя понимаю, что скорее всего последует какое-то продолжение.

– Возле параши, сынок! – ржёт парень, глядя мне в глаза. Как обычно, у таких есть прилебатели, и вот сейчас они тоже начинают свои смешки. Другие молчат.

– Приглашаешь сесть рядом с тобой? – спокойно интересуюсь я и отрубая: – Мне это не подходит.

– Ну твякни ещё что-нибудь, – парень начинает вставать. – Повтори?

– Извини... На твоём языке не умею, – усмехаюсь я, понимая, что начинается конфликт. Прикинув на глаз вес своего оппонента, на всякий случай уже готовлюсь к отпору. Уж если я с теми двумя справился, то с этим-то уж как-нибудь...

– Можно сюда! – парнишка профессорского вида, в очках, показывает на место рядом с собой. – Здесь свободно.

– Спасибо, – и направляюсь к нему.

– Крутой, что ли? – подходит ко мне коновод. Он на полголовы выше меня и в плечах изрядно пошире. Шкафчик такой...

– Не знаю... Время покажет, – пожимаю я плечами, собираясь сесть, но его краем глаза отслеживаю.

– Это я буду сейчас показывать! – и резко замахивается.

Напрасно он так! Хватаю его за запястье и так же резко рву на себя. Парень от неожиданности теряет равновесие и с моей помощью грохается грудью на стол, за который я собираюсь сесть. Заломить ему руку за спину – дело техники. Спасибо навыкам самбо и тренеру; теперь мой соперник ёрзает по столу, пытаясь освободиться.

– Может, хватит? – раздаётся спокойный возглас.

Ой... Это уже, кажется, урок начался.

– Простите... – и отпускаю своего обидчика.

– Тимофеев! Сядь на место! – звучит жёсткий приказ, и, на удивление, этот детина поворачивается, идёт и садится.

– После уроков разберёмся! – бросает он.

– А ты – Дмитрий Радыгин? Новый ученик? – вопрос сухощавой пожилой женщины с интеллигентным лицом и жёсткими складками у рта адресован уже мне.

– Да. Это я.

– Негоже начинать с драки! – констатирует она. – Садись!

– Простите... – и сажусь. Не хочу объяснять, кто всё начал.

Сегодня первый урок – математика. Этот предмет мне всегда нравился своей строгостью и точностью. В старой школе даже успехи какие-то были. Мне действительно очень нравится решать всякие заковыристые примеры и задачи. В той школе математичка была не очень, но мне так интересна математика, что я сам дома находил в задачнике примеры и решал, стараясь брать те, которые посложнее, чтобы можно было, покрутив их так и сяк, наконец получить результат.

– Ну что ж, Радыгин, раз сумел с самого начала засветиться, то я хочу посмотреть, что ты умеешь кроме драки, – с усмешкой поднимает на меня глаза здешняя математичка. – Иди к доске.

– Татьяна тебе сейчас для знакомства что-нибудь крутое подбросит. Она это любит... – шёпотом сообщает мой сосед.

Примерчик действительно не из простых. Спиной чувствую, как класс с интересом смотрит на мои мучения. Может, если бы не происшедшая стычка, то внимания было бы меньше.

– Сынок приплыл... – слышу я знакомый насмешливый голос местного коновода.

Нет уж, хрен тебе! Продолжаю поиск решения.

– Похоже, это слишком сложно для тебя, Дмитрий, – спокойно выносит свой вердикт математичка. – Садись.

– Ну почему же слишком сложно? – непроизвольно вырывается у меня, поскольку я только что понял, как это решается. – Всё достаточно просто.

Быстро начинаю записывать строчку за строчкой, отслеживая, как она придиричиво следит за процессом.

– Ну вот... – и удовлетворённо кладу мел.

– Гм... В твоей старой школе вы такие примеры решали?

– Нет. Я сам, дома.

– Да? – математичка с недоверием смотрит на меня.

– Да. Мне это интересно.

– Гм... Ну садись. На перемене, пожалуйста, подойди ко мне.

– Здорово... – шепчет мне мой сосед по парте. – Это она тебя на соображалку испытывала.

– Я это понял. Думаю, выдержал.

– Радыгин и Веселов! Прекратите обсуждение! – следует тихий, но жёсткий окрик. – На перемене обсудите. Записываем новую тему...

После звонка на перемену подхожу к учительскому столу. Я уже знаю, что математичку зовут Татьяна Михайловна и что она у нас классный руководитель.

– Ну что, Дмитрий, – она внимательно смотрит на меня, – тебе действительно нравится математика?

– Да. Я всегда с удовольствием решаю. Сам брал из задачников, старался, чтобы посложнее.

– Ты что, собираешься после школы поступать в технический университет?

– Да. Правда, пока ещё не выбрал, в какой.

– Ну у тебя ещё есть время, – взгляд её заметно теплеет. – Я почему тебя попросила подойти? Пример, который я тебе дала, я бы сказала, несколько выходит за рамки, но ты его одолел. Мне стало интересно. Хочешь, для домашней работы я дам тебе ещё несколько? Решишь – посмотрим и вместе определим, как с тобой работать дальше. Согласен?

Согласен ли я? Конечно же, согласен!

– Давайте! Я с удовольствием!

– Вот и хорошо. Понимаешь, Дима, я уже знаю, что ты старше остальных в классе, а значит, подход у тебя должен быть более серьёзным.

– Наверно... – мямлю я. – Я постараюсь.

Я хорошо понимаю, что после уроков меня будут ждать. Движение и перешёптывание вокруг себя давно заметил. Что ж, может, и хорошо в первый же день выяснить всё, чтобы потом к разборкам не возвращаться. Ромка Веселов, с которым я теперь соседствую по парте, уже ввёл меня в курс дела. Действительно, Денис Тимофеев, который требует, чтобы его звали Дэн, и его компания заправляют в классе всем. Парни послабее, как Ромка, покорно подчиняются диктату, а девчонки, которые посимпатичнее, как всегда, больше внимания обращают на лидеров. В общем, картина понятна.

Выходим из школы вместе с Ромкой.

– Эй! Ну-ка, сынок, иди сюда! – слышу я знакомый окрик. Демонстративно не обращаю внимания.

– Дим... Они сейчас бить будут и деньги требовать, – осторожно поясняет мой одноклассник, и мне становится понятно, что его уже били.

– Главное, не бойся. Идём спокойно. Это нас не касается. Я же не сынок!

– Сюда, я сказал! – следует повтор.

– Идём! – жёстко говорю я Ромке, который уже готов повернуть. – Будешь делать то, что я скажу.

Сзади раздаётся приближающийся топот.

– Мне за спину! – отдаю я резкий приказ и сам поворачиваюсь навстречу догоняющим. Точно, это мои новые одноклассники. Сам коновод стоит поодаль. Жаль, мне очень не хотелось начинать с драки, поэтому обращаюсь к приближающимся:

– Парни, вы уверены, что вам это надо?

То ли не услышали, то ли слепо выполняют распоряжение. Дождавшись, пока первая рука потянется в мою сторону, отправляю её владельца на асфальт. Сознательно делаю это максимально жёстко. Бедняга явно этого не ожидал и, похоже, сильно приложился. Пока не может встать. Второй остановился и оглядывается на своего командира.

– Малыш! Ты что-то хотел? – издевательски интересуюсь я, обращаясь к коноводу. – Если так, то подойди сам. Или ты без бригады поддержки уже в штаны наложил?

Я специально его провоцирую, чтобы решить всё и сразу.

– Ну, сынок! Сейчас ты кровью харкать будешь! – выкрикивает он и направляется ко мне. Ну вот, машина пришла в движение, и это хорошо. Дожидаюсь, пока он приблизится.

– Уверен, что это тебе нужно? – повторяю я свой вопрос, уже обращаясь к нему.

Бьёт он молча. Увернуться с моей квалификацией – дело несложное, да и перехватить его руку – тоже.

– Ой! Блин... Ой! – от неожиданности выкрикивает он, уже согнутый в три погибели.

Ощущение победы накрывает. Он в моей власти, что хочу, то с ним и сделаю.

Второй из догонявших делает движение в мою сторону.

– Ещё шаг, и я сломаю ему руку, – спокойно информирую заступника и, слегка наклонившись к согнутому врагу, ласково спрашиваю: – Ну что, ломаем?

Что-то мычит.

– Да ты не мычи. Скажи нам что-нибудь! – я открыто издеваюсь и ещё слегка подкручиваю запястье.

– Больно же! Пусти!

– Отпущу, конечно, но чуть позже. А пока слушай меня. Если ты не хочешь каждый раз стоять раком, а твои лакеи не хотят валяться на земле, запомните все: я – человек мирный и никого не трогаю, пока не трогают меня. Если же такая поза тебе нравится, то в ней ты будешь находиться часто.

Сам понимаю возникшую очевидную двусмысленность сказанного, но уже поздно, так уж получилось.

– Любишь мальчиков? Ай! Ты что? У-ух... О-о...

Это тот, который ещё не получал от меня, решил высказаться, и я ногой всё-таки дотянулся до его паха. Сейчас стоит тоже согнувшись.

– Это чтоб тебя такие мысли больше не посещали, – объясняю ему и снова обращаюсь к коноводу: – Короче, ты меня понял? Не слышу!

– Ну понял... Понял! Отпусти!

Отпускаю. Стоит и держится за руку. Видимо, я несколько перестарался.

– Ещё раз напоминаю: не надо со мной связываться, – повторяю, глядя ему в глаза, и вдруг начинаю хвастаться: – Месяц назад меня убить хотели. По-настоящему, а не просто в драке. Парни были куда круче, чем ты и вся твоя компания. Ножичком размахивали. Я, как видишь, жив, а их вот слегка покалечил.

Сам понимаю, что меня уже понесло от ощущения своей силы и превосходства, но не смог остановиться.

– Ну ладно... Пора идти, – вдруг устыдившись этого, я поворачиваюсь к безмолвному Ромке. – Пошли.

– Дим, а классно ты их... – оценивает он, когда мы отходим подальше. – Честно говоря, мне от них часто перепадает.

– За что?

– Не знаю... И дань снимают... Может, потому что слабее, может, потому что очки. Или потому, что учусь лучше, – и меняет тему: – А ты классно сегодня уравнение раскатал. Мне такого решать не приходилось. Научишь?

– Нет вопросов. Да! Если кто-то из этих снова начнёт к тебе лезть, говори сразу. Я воспитаю.

– Дим... А насчёт убить – это правда?

– Правда. Вообще-то я напрасно про это им сказал...

Дома перевариваю происшедшее. Интересно, как меня завтра встретят? Мысли так и крутятся вокруг сегодняшней стычки. Честно говоря, в моей старой школе такого у меня не случилось. Может, конечно, это потому, что я там с самого начала учился и все были своими. Нет, всё-таки здорово я их... В следующий раз подумают, стоит ли так со мной. Да и Ромке будет легче, похоже, он неплохой парень. А вообще – гады! Значит, они ещё и поборы устраивают. Нет, всё было правильно, придётся обратить внимание на эту компанию. Если будет надо, то я повторю.

Утром в школе отслеживаю вчерашних соперников. У одного щека расцарапана. Ясно, это тот, которого я уложил на асфальт первым. Второй ассистент ходит слегка враскорячку. Тоже ясно, только не сильно ли я грохнул ногой по его мужскому хозяйству? Сам Дэн всё трогает запястье правой руки. Вот и хорошо, такое должно запомниться.

* * *

Скорее всего, в классе было обсуждение происшедшей стычки, и это я чётко чувствую по отношению к себе. Коновод и вся его компания меня сторонятся, косятся, значит, неплохо я их воспитал. Как вспомню Дэна, стоящего в нелепой позе, да и остальных тоже, сразу смешно становится – всё-таки приятно ощущать себя гораздо сильнее своих противников!

Некоторые девчонки, которые очень и очень ничего, явно строят глазки. Особенно стараются Вика и её подружка, её называют Оленька, претендующие тут, как видно, на роли первых красавиц королевства. За Оленькой явно ухлёстывает Дэн. Вообще-то ничего девицы, в моём вкусе. Наверняка здесь всё так же, как и в моей старой школе, только у нас там народ попроще был. Здесь девчонки в большинстве что-то из себя строят, кроме, пожалуй, одной. Такая достаточно симпатичная, глазастая, только держится от всех несколько особняком, за что и получает от одноклассниц всякие колкости, но ведёт себя так спокойно, что они к ней не прилипают. Просто игнорирует, и это вызывает у меня уважение. Зовут эту девчонку Алёной. В классе её за такой характер недолюбливают. Я сразу же почувствовал к ней интерес, но мне рассказали, что парней, которые к ней клеятся, она жёстко отшивает без всяких шансов. А я и не собираюсь я к ней клеиться!

Иногда думаю про Машу... Написал ей ещё одно письмо. Сам себе признаюсь, что за время нашей разлуки она превратилась для меня в очень приятное, может быть, зовущее, может быть... щемящее, но, увы, воспоминание. Увидимся ли мы когда-нибудь, да и какими тогда будем?

С Ромкой у меня нормальные отношения. Я заметил, что он с первого дня ко мне потянулся. Мы с ним вместе решаем математику, примеры, которые мне в избытке стала задавать Татьяна Михайловна. Она в меня так вцепилась! А Ромка тоже у неё в почёте. Во время урока она даёт нам с ним отдельные задания. Не знаю, как ему, но мне даже интересно иногда оста-

ваться после уроков и обсуждать с ней всякие задачки. Порой даже спорю с ней, и она явно это поощряет.

Дома кухню, ванную и коридор мы с папой отремонтировали. До комнат руки пока не дошли. Решили, что сделаем это следующим летом.

Читаю «Преступление и наказание», ту книгу, которую мне посоветовал папа. Взял я её в руки с некоторой опаской, поскольку после школьного изучения Достоевский у меня ассоциировался только со скукой, как, впрочем, и всё, что касается классической литературы. Чего греха таить, первые страницы одолел с трудом, стараясь привыкнуть к непростому языку автора, но потом поймал себя на том, что читаю с интересом. Нет, конечно, литература девятнадцатого века отличается от современной не только языком, но и жизненными ситуациями, которые там описываются, но если вдуматься, то в конечном итоге все жизненные ситуации, не зависимо от времени, в котором они происходят, очень схожи. Та же самая Соня Мармеладова, ставшая проституткой, чтобы накормить семью. Сразу же вспомнил про Машу. Получается, что жизнь и тогда, и сейчас порой вынуждает нас принимать одни и те же решения. Содеянное Раскольниковым, пусть даже из хороших побуждений, реально является преступлением, которое нельзя оправдать даже этими хорошими побуждениями. Пожалуй, это действительно ответ на мой вопрос о сверхчеловеке и его возможностях. Может, прав папа – нельзя творить суд и расправу, подчиняясь только своему пониманию жизни? А с другой стороны, неужели я не могу отличить добро от зла? Что же, я глупый, что ли?

– Димка! – вбегает в класс Ромка. – За школой Дэн Костика прессует. Опять требует, чтоб бабки гнал.

Костик – тоже достаточно тихий и слабый парень. Куда ему против Дэна! Вообще-то я его часто вижу с синяками и царапинами. Понимаю, что Ромка зовёт меня на помощь.

– Пошли!

За школой несколько парней окружили моего одноклассника.

– О! Пацаны, Бэтмен прибыл! – ржёт Дэн, увидев нас с Ромкой.

– Отпусти парня! – вместо реакции приказываю я.

– Он мне бабла должен, – заявляет Дэн, держа Костика за худенькое плечо. – Должен?

Тот обречённо кивает. Нутром чувствую, что если бы не Дэн рядом, то ответ был бы другим.

– И мне тоже! – с вызовом заявляет некто Андрей, вернее, как его зовут, Дрюня, из параллельного класса. Они с Дэном дружатся.

– Вот видишь? – торжествует коновод. – Поэтому давай вали отсюда. Без тебя обойдёмся.

– Я сказал – отпусти его, – повторяю я. Ужасно не хочется драться, но уже понимаю, что просто так не выйдет. – Отпусти! Потом разберёмся, кто кому и что должен.

– Нет! Мы сейчас разберёмся! – ухмыляется Дэн, глядя куда-то за меня.

– Димка! Сзади! – слышу я голос Ромки, резко поворачиваюсь и, не успев защититься, получаю удар какой-то дубиной в грудь. Ох... Аж дыхание перехватило! Вижу, что с этим оружием стоит Дрюня. Вот подлый! В спину хотел ударить. Ну всё! Делаю к нему шаг и тут же получаю удар в спину... Ясно, что сейчас силы явно неравны, но я не буду отступать. Не бежать же от них!

Всё-таки трудно отбиваться от пятерых нехилых парней. Понимаю, что наступает какое-то ослепление яростью, а в таком состоянии я могу и не пожалеть. И не жалею! Надо сказать, что со мной тоже не церемонятся. Запрещённые приёмы используются на всю катушку. Правда, я тоже в этом не лыком шит, спасибо тренеру.

Сам толком не понимаю, как отбил. Противники – кто лежит, кто реально плюётся кровью. Дэн с расквашенным носом и подбитым глазом – из вторых. Делаю к нему шаг.

– Ну ладно, Димон... Помахались – и хватит, – бурчит он, отступая тоже на шаг. – Замяли...

– Согласен, – выдыхаю я, поскольку продолжать у меня нет ни желания, ни сил.

На химию, конечно, опоздали, да и пришли очень красивые.

Урок уже идёт, когда открывается дверь и входит директриса. Вид у неё очень строгий.

– Радыгин, выйди! – выхожу в коридор. – За что ты избил мальчиков?

– Каких мальчиков? – искренне удивляюсь я.

– Не строй из себя невинную овечку! Ты избил мальчиков из параллельного класса! В том числе и Андрея, сына нашего спонсора!

Понимаю, что пострадавшие от моего праведного возмездия уже изложили ей свою версию произошедшего. Это точно они, ведь наши вместе с Дэном сейчас сидят на уроке. Кроме того, понимаю, что добиваться справедливости у этой дамы бесполезно. Надо как-то выкручиваться.

– Вероника Васильевна! Ну как один парень может набить морды пятерым? – делаю я удивлённое лицо. – Вы сами подумайте! Я же не Шварценеггер!

– Идём! Сейчас будет очная ставка.

Ого! Это что-то из милицейского лексикона. Ну что ж... Придётся идти.

В кабинете директора сидит Дрюня и ещё один из тех. Да... Я действительно неплохо его несколько раз приложил за его подлость. Даже самому приятно, особенно после его доклада директрисе.

– Андрей, тебя Радыгин так избил?

– Угу... – он при этом прячет глаза. Ясно, что про вымогательство у Костика денег он, конечно, не скажет.

– Ты забыл. Это вы меня впятером молотили, – усмехаюсь я разбитыми губами и поворачиваюсь к директрисе: – Из-за того, что он сын спонсора, я не должен был защищаться? Или вы всерьёз думаете, что я один напал на пятерых?

Замечаю, что она несколько теряется, но тут же идёт в наступление.

– Тогда отвечай, из-за чего была драка!

Ясное дело, что закладывать этих я не буду.

– Это были свои разборки... Думаю, что их не стоит обсуждать.

Понимаю, что звучит достаточно нахально. Не знаю, какое было бы продолжение, но дверь открывается и входит наша классная.

– Вот, Татьяна Михайловна! Ваш Радыгин избил мальчиков, – с некоторым торжеством произносит директриса.

– Вероника Васильевна, разрешите, я сама разберусь со своим учеником, – подчёркнуто спокойно просит математичка. – Если хотите, готова доложить вам обо всём после уроков.

– Ну хорошо. Идите все, – облегчённо соглашается хозяйка кабинета.

Выходим. Дождавшись, пока те двое скроются, классная поворачивается ко мне:

– Дима, можешь мне рассказать, что случилось?

– Не могу, Татьяна Михайловна. Тем более, мы уже разобрались.

– Ну тогда я тебе скажу. У Константина опять вымогали деньги, тогда Роман позвал тебя. Так?

– Пришлось защищаться... – тихо выговариваю я, глядя ей прямо в глаза. – Может, переборщил, но, поверьте, это того стоило.

– Ладно... – вздыхает она. – Иди в класс. Хотя, подожди.

Тащит меня к умывальнику и, намочив платок, начинает приводить в порядок моё лицо. Мне больно, и я дёргаюсь.

– Стой спокойно! – прикрикивает она и вдруг улыбается. – Терпи, раненый боец.

Заходя в класс, ловлю напряжённый взгляд Дэна. Опасается, что я их всех сдал? Спокойно сажусь на своё место.

В общем, кажется, обошлось. Наверняка списали всё на обычные разборки, ведь к директорисе меня больше не вызывали. Видимо, наша Татьяна всё как-то устроила.

– Димон! – окликает меня на первой же перемене Дэн. Это даже удивительно, ведь мы практически не общаемся.

– Чего?

Подходит сам.

– Слушай, я знаю, что это Дрюня тебя сдал Веронике. Он сам мне сказал. Вот сучок!..

– Ладно, фигня! Я сказал, что были обычные разборки.

– Знаю... Он тоже мне рассказал.

Какое-то время стоим молча. Не знаю я, о чём с ним ещё говорить.

– Слушай, Димон... – Дэн смотрит себе под ноги. – В общем... уважаю. Давай – забыли?

– Забыли.

Звонок на урок. А что забыли? Вчерашнюю потасовку или всё предыдущее?

* * *

Что-то захватил меня Достоевский, читаю с удовольствием. Обращаю внимание, что тётя Тоня, когда видит меня с книгой, одобрительно улыбается.

Вообще до сих пор подсознательно продолжаю сравнивать жизнь с матушкой и жизнь здесь. Тут я наконец понял значение выражения «дышать полной грудью». Мне так комфортно! Я действительно прихожу по-настоящему домой – к людям, которые не стараются насильно что-то во мне переделать, как это пыталась сделать моя мать. Нет, конечно, меня потихоньку воспитывают, но поскольку делают это с удивительным тактом, не нагибая принудительно, я это понимаю и принимаю. Вот – на чтение хороших книг подсадили! И я этому рад и даже благодарен. Всё-таки как приятно, когда тебя не только любят, но и уважают. А тётя Тоня вообще пылинки с меня готова сдувать, хотя это уже совсем лишнее.

Разные работы по дому я выполняю с удовольствием. С удивлением сделал для себя открытие: когда сам, так сказать, хозяйским взглядом окидываешь своё жилище и сам замечаешь, что надо в нём сделать, то такая работа не только не напрягает, но и идёт в радость.

Уроки кончились, и мы выходим из школы. Подъезжает крутой «Мерседес». Отличная тачка, интересно, кто же на такой разъезжает? Ничего себе! Из неё выходит... Аркадий Михайлович! Что он тут делает? Очень бы не хотелось, чтобы он увидел меня, я ведь хорошо помню разговор со Станиславом Ивановичем.

Ох... К нему подходит... Дрюня! Так вот, значит, кто спонсор школы и его папашка. Дела-а... Я даже что-то вроде страха почувствовал. А мы, то есть Ромка, я и Костик, который теперь старается держаться поближе ко мне, как раз должны пройти мимо «Мерседеса». Что делать, если нам надо идти именно таким маршрутом, не буду же я прятаться!

Проходим мимо машины и тут...

– Дима?... Дима!

Это Аркадий Михайлович зовёт меня. Попал... Оборачиваюсь.

– Здравствуй, Дима! – он сам идёт ко мне, улыбаясь, с протянутой для приветствия рукой. – Здравствуй! Очень рад тебя видеть.

Ясно, как он рад... А улыбается... будто волк зубами щёлкнул. Вспоминаю, как Станислав Иванович, узнав от меня всё, тем не менее позвонил ему и, как ни в чём не бывало, побла-

годарил. Потом он ещё сказал, что так надо. Только сейчас я до конца понял, почему он это сделал.

– Аркадий Михайлович! Здравствуйте! – я тоже растягиваю губы в улыбке и пожимаю ему руку.

– Так, значит, ты тоже в этой школе учишься! Вместе с моим Андрюшкой!

– Да, вот так случилось...

– Вот, Андрейка, – поворачивается отец к сыну, – Дмитрий летом спас своего хозяина от банкротства. Если бы не верность Дмитрия, тому было бы сейчас очень несладко: пришлось бы продавать свой бизнес. Это был замечательный поступок. Уважаю тебя, Дима! Жаль, что не все вокруг такие, как ты. Не на каждого можно положиться.

Да уж... Конечно, не все. Изображаю смущение. Дрюня смотрит на меня откровенно ненавидящим взглядом.

– Как у тебя дела, Дима? – продолжает Аркадий Михайлович.

– Да ничего... Учусь...

А что я могу ему ещё сказать? Как я его сыну морду набил? Так теперь он сам, наверно, папочке расскажет, что это Димка его разукрасил.

– Знаешь, нам бы с тобой как-нибудь побеседовать. Не сейчас, конечно.

Сразу же вспоминаю слова Станислава Ивановича про информацию, которая течёт неизвестными путями. А я распустил язык с Дэном в первый же день. Сам дурак! И вот теперь пересеклись...

– Так, наверно, теперь будем видеться...

– Конечно! Ты у Андрюшки моего возьми наш адрес и заходи как-нибудь! Хорошо?

– Спасибо, Аркадий Михайлович. Как-нибудь зайду.

Но пока что-то мне захотелось зайти к Станиславу Ивановичу. Посоветоваться надо.

– Здравствуй, Дима! – Станислав Иванович улыбается и крепко жмёт мою руку. Да... Улыбка у него совсем другая, не такая, как у Аркадия Михайловича – искренняя. – У тебя настали чёрные времена?

– Не знаю... Я посоветоваться пришёл.

– Конечно! Давай, рассказывай, что у тебя случилось.

Подробно рассказываю про встречу с Аркадием Михайловичем и про все предшествующие события. Станислав Иванович, нахмурившись, слушает очень внимательно.

– Да, Дима... А я ведь тебе говорил про осторожность! Даже не знаю, что тебе посоветовать. Он одно верно сказал, что если бы ты тогда не довёз деньги, то я бы разорился и мне пришлось бы продавать свой бизнес, это – правда. Кстати, покупать мой бизнес собирался именно он, Аркадий. Через подставных, конечно, но я это знаю. Думаю, что разрабатывая свой план, он одним ударом хотел убить сразу двух зайцев, так что ему благодарить тебя не за что.

– Понимаю я... Как вы думаете, зачем он меня к себе зовет?

– Знаешь, я могу предположить, что если он пел тебе дифирамбы за твою надёжность, то ему нужен надёжный человек. Видишь ли, Дима, несмотря на свою молодость, ты, видимо, вызвал у него к себе уважение, причём особенно своим умением вести рукопашный бой. Может, ему в команду боец нужен? У него же есть охранное предприятие. Зная Аркадия, предполагаю, что он постарается тебя охмурить, прикормить и держать при себе как бы про запас. Только учти, для него люди – мусор. Использует и выбросит.

– Да не собираюсь я с ним встречаться!

– Думаю, что тебе всё равно придётся это сделать. Дима, ты – парень умный. Аркадий – человек опасный. Ты сам это понял, поэтому постарайся, его не раздражая, максимально дистанцироваться. Ссылайся на учёбу, на подготовку в университет, на родственников – на что

угодно! Но ему надо постараться внушить, что ты очень занят и не можешь состоять в его команде. Понял меня?

– Понял... – вздыхаю я, уже прикидывая, что и как буду говорить в случае следующей встречи с Аркадием Михайловичем.

– Ну ладно. А моё предложение по-прежнему в силе. Захочешь подработать – приходи.
– Спасибо!

* * *

Дэн ежедневно приходит в школу с синяками, и почти каждый день с новыми. Глаз уже был подбит, а сегодня ещё и губа.

– Где это тебя так? – спокойно интересуюсь я на перемене.

– Что, приятно посмотреть? – неприятно буркает он. Понимаю, что это отрывка наших с ним разборок, да и после них его коалиция сильно поредела. Теперь ко мне лезут его бывшие прихлебатели с разными услугами, вплоть до предложений покурить травку. Противно.

– Ладно тебе! – говорю я примирительно. – Почти два месяца уже в одном классе. Говори, что там у тебя?

В его взгляде читается удивление. Явно не ожидал сочувствия.

– Что, помахаться хочешь?

– За дело можно и помахаться. Я же вижу, что у тебя каждый день что-то новое. Рассказывай.

Сопит и смотрит в сторону, будто что-то в себе преодолевает. Наконец поворачивается.

– С младшим братаном беда. Какие-то старшие парни над ним издеваются. Наркоту курить заставляют.

– Так у нас тоже травку курят.

– Там всё круче. Я хотел его от них отцепить. Вот... Сам видишь. Они же его каждый день из лица караулят! Сначала заставляют курить, а потом ржут над ним, когда он, обкуренный, куролесить начинает. Развлекуха у них такая.

– Брату сколько?

– Тринадцать. Он мне сразу рассказал, как первый раз заставили. Ублюдки...

Для меня почему-то оказалось неожиданностью то, что такой парень, как Дэн, так привязан к своему младшему брату.

– Понятно. Много их? Ну этих, которые заставляют?

– Четверо...

– Ну что, возьмёшь меня сегодня с собой? Вместе их и воспитаем.

– Чё, правда, что ли? – в голосе Дэна недоверие.

– Спрашиваю: ты меня с собой сегодня берёшь?

– Димон, ну я понимаю – это мой брат, а ты-то?..

– Ещё раз спрашиваю: берёшь или нет?

– Беру, конечно! Спасибо...

Четвёрку парней мы заметили издалека.

– Эти, что ли?

– Эти... Ждут. Витька сейчас из лица пойдёт.

– Ну и мы подождём. Давай здесь постоим. Подходить пока не будем.

Через какое-то время показывается мальчишка.

– Твой? – спрашиваю я Дэна.

– Мой.

– Бегом!

Около братишки Дэна оказываемся почти одновременно.

– Братва! Опять братец на выручку прибежал! – слышу я до отвращения наглый голос слева. – Тебе, братец, всё мало? Так мы сейчас добавим. И твоему другу тоже навешаем.

Одновременно с этими словами на моё плечо опускается чья-то рука. Напрасно это, потому что её обладатель сразу же оказывается на земле.

– Мужики, идите-ка своей... – начинаю я, но тут же получаю удар в челюсть. Ох-х... Аж загудело. Если бы чуточку не вильнул... В общем, закрутилось...

Ну, всё хорошо, что хорошо кончается. Теперь в квартире Дэна зализываем раны. Надо сказать, что и моей роже досталось. Правда, четверо нападавших тоже получили заслуженное: обратили всё-таки мы их в бегство! Снова поймал себя на том, что в ярости перестаю жалеть противника. Просто охватывает желание его размазать, и с этим желанием я ничего не могу сделать. Будто в башке срывает какой-то клапан. Не знаю, что бы случилось, если б в руках у меня в такие моменты вдруг оказалось оружие.

Дэн мажет меня йодом и даже что-то заклеивает пластырем. Я с ним только что проделал такие же процедуры.

– Видишь, Бэтмену тоже иногда достаётся, – усмехаюсь я, припоминая его фразу в школьном дворе.

– Да ладно тебе, Димон! – недовольно бурчит он. – Спасибо тебе за Витьку.

– Не бери в голову.

– Димон... Я понял... – мой одноклассник явно копается в своём небольшом словарном запасе. – В общем, я не знал, что ты... такой.

– Какой? – не понимаю я.

– Я не знаю, как это объяснить... – мнётся Дэн. – Короче, руку мне пожмёшь?

Похоже, в этих мозгах что-то становится на место. Может, поскольку я старше их всех, то, как сказала Татьяна Михайловна, подход у меня должен быть более серьёзным? Может, я именно поэтому должен быть снисходительным?

– Пожму. Держи корягу! – и сам протягиваю руку.

Его рука сжимает мою.

– Димон, ты не сомневайся. Если что, я... Хотя ты и сам... Я же знаю... В общем, если что – готов помогать, как сумею.

– Ладно. Там видно будет.

Интересно, надолго ли такое с Дэном? Что-то пока мне не очень верится в такие изменения.

Утром подхожу к школе.

– Димочка! Погоди!

Оборачиваюсь. За мной поспевают Оленька. Останавливаюсь.

– Димочка, у меня тут день рождения намечается! – весело сообщает она. – В общем, ты в списке приглашённых. Праздновать будем в субботу. Придёшь?

– Спасибо. Приду, если рожу свою вылечу.

– Ой, Дэн мне всё про тебя рассказал. Ты такой классный! И не одна я так думаю. А вообще синяки украшают мужчину, – и в очередной раз состроены глазки. – Мы все тебя будем очень ждать. Предки свалят, и мешать нам никто не будет.

Интересно, кому это «нам»?

В школе, в классных «кулуарах», уже вовсю обсуждается грядущее сборище. Ясно, что в число приглашённых входят избранные, точнее, так называемая «элита» класса. Ни о каких Ромках и Костиках речь, конечно, не идёт. После того как будущая виновница торжества объявила о том, что я тоже приглашён, и последовавших за этим одобрительных реплик некоторых моих одноклассников, понимаю, что теперь и я вхожу в этот круг. Ну что ж, попри-

сутствую! Честно говоря, с парнями типа Ромки мне интереснее, но становиться в оппозицию пока не хочется. Пойти придётся, хотя бы ненадолго.

Весь день ловлю на себе напряжённые взгляды Дэна. Понятно, боится, что буду отбивать у него Оленьку. Напрасно боится. Она меня не интересуется. Слишком любит себя, чтобы этого чувства хватило ещё на кого-то. Дэна даже иногда жалко становится, похоже, он на неё серьёзно запал. Так перед ней стелется, даже какие-то подарки делает. После уроков сам подхожу к нему.

– Слушай, ты брось волноваться!

– Ты о чём?

– О том! Чужого не беру. Я уже давно понял, что она твоя девчонка. Отбивать не собираюсь.

– Димон, ты... правда? – светлеет Дэн.

– Правда. Неужели ты ещё не понял, что мне можно верить? Да и долго я там не буду. Посижу чуток и свалю. Только ты пока об этом не говори, чтобы хозяйка раньше времени не обиделась.

На вечеринке у Оленьки нас всего восемь человек. Все – мои одноклассники. И как же всё похоже на то, что было у меня в том моём классе! Те же разговоры, та же выпивка, те же танцы-обжиманцы в полумраке, такие же перекуры на лестничной площадке... С Оленькой стараюсь не танцевать, да и вообще поменьше пересекаться, а вот Вика от меня просто не отлипает. И в переносном смысле, и в самом прямом, если говорить про танцы. Да ещё и лифчика на ней под блузкой нет. Всё смешочки, ухмылочки...

Выходим с Дэном покурить.

– Слушай, я, наверно, сейчас свалю. Я же тебе говорил, – напоминаю я.

– Советую: отведи Вику домой. Сам же видишь, как она на тебе виснет. Она тебе что, не нравится?

Неужели Дэн до сих пор побаивается насчёт меня и Оленьки.

– Да так, ничего даже...

– Вот и вперёд! Можешь не сомневаться, облома не будет.

– Откуда знаешь? Пробовал?

– Я – нет. А вот Дрюня там уже бывал. Он сам мне говорил.

Напоминание про сына Аркадия Михайловича заставляет меня по-новому взглянуть на ситуацию. Вот ведь пакостник! Это я в смысле того, что он треплется про свои похождения. Вика, конечно, девчонка явно похотливая, это понятно сразу, только ведь я тоже далеко не ангел. Раньше у меня секс был достаточно регулярно, а здесь...

– Вика Ольге про тебя все уши прожужжала, – между тем продолжает Дэн. – Честно скажу, она через Ольгу просила меня... ну... Короче, чтобы ты обратил на неё внимание.

Опять вспоминаю Машу... Да что там! Похоже, было и сплыло. Где Маша, а где я? Может, уже замуж вышла... Ну ладно! Почему бы и нет? Как говорится, будь что будет!

Возвращаемся в квартиру.

– Так, люди! Мне пора, – объявляю я компании.

– Ой, Димочка! – вскидывается Вика. – Проводи меня домой, пожалуйста... А то как я потом буду добираться одна?

Обращаю внимание, как она при этом переглядывается с Оленькой. Наверняка уже всё обсудили.

– Ладно, пошли, – соглашаюсь я, в свою очередь, бросив взгляд на Дэна. Тот, ухмыльнувшись, отворачивается.

На улице моя спутница сразу же на меня вешается, вернее, берёт под руку. Так мы неспешно бредём по Казанской по направлению к Вознесенскому проспекту. Моросит осенний дождичек. Питерскую погоду я почему-то воспринял сразу. После солнечного юга с его

навязчивой яркостью здесь, на севере, даже дождь кажется неотъемлемой частью чего-то мне внутренне очень близкого. Под такой дождь хорошо думается, только сейчас Вика вовсю трещит о своём, а я, машинально ей поддакивая, думаю, но не о возвышенном, а совсем о другом – что же мне с ней делать.

Между тем дождь усиливается. Зонта ни у неё, ни у меня нет, и поэтому приходится забежать в какую-то парадную. Стоим. Вика почему-то замолчала, только смотрит мне прямо в глаза. Такое впечатление, что хочет сказать: «Я жду!» Решаю не заставлять девушку больше ждать, наклоняюсь и захватываю её губки своими. И как же жадно она мне отвечает!

– Ох, Димочка... У меня аж голова закружилась, – хихикает одноклассница и снова тянется ко мне губами.

– Тебе понравилось?

– Очень!

Всё повторяется. Ну как тут не пустить в ход руки!

– Димочка, пойдём! – решает она.

– Так дождь же ещё не кончился.

– У меня посушишься. Пошли!

До Викиного дома просто бежим. Захлопнувшаяся дверь парадной снова погружает нас в уютный полумрак. Разворачиваю Вику к себе лицом.

– Нет! Пошли! – и она тащит меня к лифту.

Вот мы и в квартире. Мне уже всё ясно. Украдкой смотрю на часы. Ого! Половина одиннадцатого. Там, в другой жизни, моя матушка встречала меня в такое время со скандалом. Но это было раньше! Теперь я свободный человек. Здесь мои родители не ограничивают меня во времени, только просят, чтобы я предупреждал. Они доверяют мне, и именно поэтому я должен им позвонить.

– Мне надо позвонить. Где у тебя телефон?

– Пойдём! В моей комнате есть параллельный, – почти шёпотом и несколько нетерпеливо выговаривает хозяйка и подталкивает меня к одной из дверей. – Пошли-пошли...

В комнате Вика включает торшер, сажает меня на диван и даёт в руки телефонный аппарат.

– На! Звони!

Трубку берёт отец.

– Папа, я тут в гостях задержусь немного, – спокойно говорю я под пристальным, почти змеиным взглядом. – Так что вы меня не ждите и ложитесь спать. Я тут недалеко, на Казанской.

– Ну ладно. Спасибо, что предупредил. Только на обратном пути будь, пожалуйста, осторожен. Сам знаешь, что на улицах нынче творится.

Голос папы такой обычный и заботливый... Почему-то становится даже немного стыдно.

– Мои родоки приедут только завтра вечером, а бабушка совсем плохо слышит, да и спать она рано ложится, – объясняет Вика, садясь около меня. – Хочешь, кофе сделаю?

– Ты уверена, что мне сейчас нужен кофе? – усмехаюсь я, прижимая её к себе и пуская в ход руки.

– Тогда погоди, я дверь на всякий случай закрою, – хихикает она. – Отпусти меня.

В общем, наша одежда разбросана, а мы лежим на диване в обнимку.

– Я сразу поняла, что ты классный чувак, – чуть сонно бормочет Вика. – Не то что наши папанчики. Мы ещё будем?

– А как же! – насмешливо шепчу я ей в ушко. – Ты от меня так скоро не отвяжешься.

– А я и не хочу отвязываться, – опять хихикает она.

В свою квартиру вхожу почти в четыре часа утра, будучи несколько утомлённым. Тихонько пробираюсь к своей комнате. Под душ полезу завтра.

Дверь спальни открывается, и выходит отец.

– Слава богу, ты дома! Всё в порядке?

– Да, папа. Прости меня...

– Знаешь, Димка, я понимаю, что тебе семнадцать и желания, можно сказать, прут.

Поэтому и не осуждаю, но мы всё равно волновались.

– Пап... Правда! Простите меня... И ты, и тётя Тоня... – и вдруг признаюсь: – Я был у... женщины.

Я сделал эту паузу, потому что не сразу понял, как сказать про Вику, которая оказалась такой умелой, что стаж её стал понятным. А не признаться я просто не мог. Папа лишней раз показал, что меня понимает.

– Я это сразу же понял, сынок. Ладно. Иди спать. Спокойной ночи.

– Поздравляю с удачным уловом! – ухмыляется в школе Дэн и, увидев на моём лице удивление, поясняет. – Ольга мне посплетничала. Они же с Викторией дружатся, вот та и выболтала ей, как вы... развлеклись.

Да... Точно мне говорили, что бабы всегда молотят языками. Судя по взглядам, которые на меня бросает Дрюня, ему всё про нас с Викторией тоже известно. В общем, после моего очередного приключения я, кажется, обрёл славу дон-жуана со всеми плюсами и минусами этого мнения о себе.

Минусы проявились через несколько дней после уроков. Когда я, стоя у окна за углом коридора, ждал Татьяну Михайловну, чтобы получить новое задание, то услышал разговор наших девчонок. Они уже в который раз подкалывали Алёну, называя её синим чулком. Я чётко слышал голос Оленьки, а Вика, видимо в качестве примера правильного поведения, довольно громко и без всякого стыда рассказала пару эпизодов нашего ночного общения. Практически хвасталась! Её достаточно активно поддержала Оленька, которой тоже нашлось, что рассказать про Дэна.

– В таком случае этот твой супермен Дима – просто пошлый бабник! – услышал я голос Алёны. И ещё последовало едкое замечание: – Взял то, что плохо лежало.

Я тогда сразу же счёл правильным свалить. Терпеть не могу подслушивать. Впрочем, однажды именно это спасло мне жизнь. Но всё равно противно!.. А то, что я услышал, – наверно, для меня полезно.

Теперь иногда во время уроков перехватываю Викин взгляд. Надо сказать, что умело подведённые глаза делают его особенно зовущим. Дрюня, видимо, смирился с потерей подружки, поскольку в окрестностях нашего класса я его уже не вижу. Скорее всего, Вика его просто отшила. Я же, когда вспоминаю про тот вечер, плавно перешедший в ночь, испытываю желание всё повторить.

* * *

Жизнь течёт размеренно.

«Преступление и наказание» я дочитал. Сильно! Ясно, что Достоевский осуждает Раскольникова за физическое уничтожение того, что он считал злом. Конечно, зло надо уничтожать! Естественно, не старушек и не топоров. А может, он имел в виду, что со злом надо бороться как-то по-другому? Тогда как же известное выражение, что добро должно быть с кулаками? И если добро должно бороться со злом, то как тут быть без кулаков?

Вот, фактически после моего вмешательства те, кто в классе послабее, стараются кучковаться поближе ко мне. Это же – добро! Дэн после нашего примирения тоже как-то изменился. Нет, конечно, он не стал ангелочком, но прежней наглости себе уже не позволяет. И я знаю: это потому, что в классе появился другой центр влияния, с которым он вынужден считаться.

А если бы я не представлял собой силу, которая может ему успешно противостоять? Во-от!.. Так что надо быть не только сильным, но и вмешиваться в события для наведения порядка и справедливости. Вот во всех американских фильмах главный герой борется со злом и побеждает! Правда, скучно это, всегда знаешь, чем фильм кончится.

Когда болтаемся с Викой по городу, то иногда заходим в парадные и там целуемся. Ещё один раз, при наступлении удобного случая, побывал у неё дома. Честно говоря, приятно вспомнить. Она, похоже, влюблена в меня, как кошка, а я сам не знаю, как отношусь к ней. Вроде ничего девчонка, даже кое о чём с ней можно поговорить. Не могу сказать, что она глупая, да и учится нормально. В финансово-экономический поступать собирается.

– Димон!

Оборачиваюсь. Подходит Дрюня.

После начала моих отношений с Викторией он порой смотрит на меня так, что я понимаю: если б мог – убил бы.

– Чего хотел? – спокойно интересуюсь я.

– Отец сказал, чтобы ты пришёл...

Понимаю, что неприятный для меня момент настал. Ох, как не хочется встречаться с Аркадием Михайловичем!

– Не понял, что значит – сказал, чтобы пришёл? – недовольно выговариваю я. – Я, кажется, у него не работаю... И вроде ничего ему не должен.

Понимаю, что сказанное звучит не очень вежливо, но почему я должен бежать по первому свистку к человеку, который вполне допускал моё убийство?

– Ты чё, не понял? – кажется, мой тон и мои слова привели Дрюню в ярость. – Ты чё вы... делываешься? Люди покруче тебя к нему на цырлах бегут, едва поманит.

Ну и взгляд у него...

– Значит, так! Я сегодня занят. У меня любовное свидание, – и губы сами растягиваются в ухмылке. – Я не могу обмануть женщину.

Так и хочется позлить сыночка.

– К своей... давалке побежишь? – Дрюня аж зубами скрипит!

Он со мной одного роста, но я хватаю его за грудки и слегка встряхиваю.

– Запомни! Ещё раз услышу – получишь по самое не балуйся. Понял? Не посмотрю, что Аркадий Михайлович твой отец, – отпускаю его, поворачиваюсь и ухожу. Похоже, я осложнил своё положение. Надо ещё раз поговорить со Станиславом Ивановичем.

Бывший шеф меня встречает, как всегда, радушно. Угощает кофе в своём кабинете и слушает мой рассказ.

– Ну что я могу сказать тебе, Дима... – помолчав, начинает он. – Мне кажется, ты погорячился. И зря погорячился. Я же тебе в прошлый раз объяснил, как тебе следует поступить. Боюсь, ты наломал дров. Надо было с ним встретиться и со всем уважением, очень вежливо ему отказать. Конечно же, его сынок ему всё доложил в красках! Гм... Что же теперь делать...

– Станислав Иванович, а чем вообще занимается Аркадий Михайлович?

– Чем занимается? Многими вещами, в том числе и вымогательством! Рэкет! Слышал?

Молча киваю.

– Одно из его предприятий считается охранным, но под этим прикрытием он держит банду. Мои два магазина он тоже якобы охраняет, – эти слова сопровождаются грустной усмешкой, – и дерёт с меня три шкуры. Мы с ним вроде как старые приятели. Какие – ты сам уже знаешь. Конечно, таких «приятелей», как я, у него много. И многих он довёл до разорения, теперь эти люди ждут удобного случая, чтобы с ним рассчитаться. Но Аркадий очень силен и очень влиятелен в разных кругах, в том числе и в криминальных. Поэтому с ним трудно соперничать. Он – как спрут, раскинул свои щупальца в разных направлениях и в разные области деятель-

ности. Не брезгует ничем и сосёт отовсюду. Всё это делается посредством этой самой банды. Можно сказать, что это его опричники. Ты, наверно, из истории знаешь про дворян – опричников Ивана Грозного?

– Угу...

– Вот эти его люди осуществляют не только охрану, но и наблюдение за его своеобразной империей, в том числе и за директорами его фирм. Зачастую карают и милуют по своему усмотрению. А за такими, как я, они просто шпионят и докладывают ему.

Какое-то время молчим, думая каждый о своём, потом Станислав Иванович, вдруг улыбувшись, поднимает на меня взгляд.

– Знаешь, Дима... Есть идея! Приходи ко мне снова на работу, – и, видя мой недоумённый вид, объясняет: – Аркадий явно хочет, чтобы ты пополнил его банду. Только запомни: свяжешься – либо убьют, либо получишь срок. Так вот, надо, чтобы у тебя была какая-то отмазка, в смысле твоей занятости не только по учёбе, но ещё и по работе.

– Так я же действительно учусь, готовлюсь к поступлению...

– Ты и будешь учиться, будешь готовиться. На работе я тебя сильно напрягать не буду. Можешь мне поверить, организуем всё так, что твоя занятость у меня тебе не мешает. И деньги какие-то будут. Уверен, что как только ты станешь у меня работать, ему об этом сразу же сообщат его же люди, которые якобы охраняют. Если же он тебя станет сманивать, то ты всегда сможешь ему сказать, что офисная работа тебе сейчас больше подходит по твоей ситуации в школе и с подготовкой.

Смысл только что услышанного предложения наконец до меня доходит, и я чувствую огромную благодарность к этому человеку.

– Станислав Иванович! Спасибо вам... Огромное спасибо! Когда приступать? И куда?

– Приходи прямо завтра после своих уроков к Маргарите Петровне. Она подготовит тебе задание. Так, чтобы ты его мог сделать вечером за пару часов. Кстати! Я ещё скажу, что ты и до этого работал у меня, только на дому. Это для прикрытия.

– А я и не знал, что ты продолжаешь работать у Стасика! – Аркадий Михайлович дружески похлопывает меня по плечу. – Думал, надо хорошему парню помочь... Хотя, конечно, ты тогда ему такую услугу оказал, что стыдно ему было бы тебе тоже не помочь.

Он опять приехал в школу на своем «Мерседесе», как сказал, по каким-то спонсорским делам, нашел меня, и мы уже всё с ним выяснили. Я ему сказал всё так, как научил Станислав Иванович.

– Но ты, Дима, учти, что у тебя есть ещё один друг, который будет рад видеть тебя в своей команде.

Ну прямо растекается! Можно подумать – душа-человек.

– Правда, сын мой тебя совсем не жалует, – медовым голосом продолжает спонсор школы, – но это ерунда! Мальчишеские ссоры потом переходят в настоящую дружбу. Мне бы хотелось, чтобы вы стали друзьями.

– Не знаю, можно попробовать... – неопределённо пожимаю я плечами.

– А насчёт его подружки – я даже благодарен тебе, что ты её у него отбил. Она ему не пара! Влюбился он, видите ли... Пусть общается в своём кругу. Так что, Дима, я тоже в какой-то степени тебе обязан.

Интересно, сам-то он понял, что сейчас сказал? Если Вика Дрюне не пара, а мне в самый раз, то на какую же ступень иерархии он меня ставит? Однако здорово, что я не из их круга!

* * *

– Димка! А ты уже совсем хорошо бежишь на лыжах! Я даже упрел, за тобой поспеваю.

Мы с папой уже вторую вылазку совершаем по декабрьскому снегу. Так здорово! Я уже понял, что есть люди, которые тянутся к югу с его климатом, красотами и образом жизни, а есть те, которые душой северяне. Точно знаю – я пошёл в отца. Я – северянин, и здесь мне всё нравится. Приятно, что папе тоже нравятся такие прогулки вместе со мной. Вижу, как он аж светится.

Спасибо Станиславу Ивановичу: после того как я снова стал что-то зарабатывать, наш семейный достаток несколько увеличился и мы можем себе позволить больше. Папа сразу сказал, что надо купить мне лыжи, поскольку он хочет, чтобы мы вместе с ним, как и в прошлый мой приезд, ездили зимой за город. Я был только «за»! Вот мы с ним и купили мне хорошие финские лыжи. Правда, теперь свободного времени у меня стало меньше, ведь я по-прежнему продолжаю готовиться к поступлению, и на прогулки с Викой остаётся совсем мало. Но ничего, как говорится – делу время, а потехе час.

Получил письмо от Маши. У неё будто налаживается. Дополнительно к прежней работе устроилась сиделкой ухаживать за матерью какого-то местного богача. Очень за неё рад. Я ей ответил, рассказал про свои дела, но про Вику писать не стал.

– Димка, я рад, что мы вот так вместе выбрались, – улыбается отец, когда мы возвращаемся домой в электричке. – Ты хоть немного развеялся. Я же вижу, как ты загрузился. Я тебя не только очень люблю, но и очень уважаю как человека. Да-да! Мне нравится, что ты постоянно ищешь для себя дело. Это очень хорошо, и такой подход обязательно поможет тебе в дальнейшей жизни.

– Да ладно, папа! Сейчас все крутятся. Я тоже стараюсь и чувствую себя нужным, а не так, как у мамы... Я вижу, что от меня тоже что-то может зависеть, и поэтому мне хочется делать ещё и ещё! Честно скажу, мне просто всё вокруг интересно.

– Понимаешь, сынок... В нынешнее непростое время помимо открывшихся интересных возможностей есть много всяких соблазнов, которые могут просто изуродовать будущее. С одной стороны, вроде – свобода по сравнению с тем, что было раньше, но с другой стороны, всё очень трудно. Ты же знаешь, я за баранку сел совсем не потому, что мне этого очень хотелось. Выживать надо было... – отец говорит задумчиво и с оттенком горечи. – Мне ведь до сих пор снится моя работа в конструкторском бюро. Очень интересная была работа! А то, чем я занимаюсь сейчас, повторяю – всего лишь способ выживания. Причём нелёгкий и опасный способ выживания. Знаешь, сколько таких, как я, в наше бандитское время гибнет на дорогах? Многие прежде добропорядочные люди просто озверели от возможности безнаказанной лёгкой наживы. Да, собственно, ты и сам чуть не стал жертвой таких, так что знаешь не понаслышке.

При этих словах я вздыхаю. Может, только сейчас я осознаю ту опасность, которой подвергается отец во время своих рейсов.

– Димочка, а ты что на каникулах делаешь?

Вопрос Викой задан так, что мне уже понятно: у неё есть предложение.

– Пока ещё не знаю. Ты же знаешь, я по вечерам работаю...

– Слушай, а давай сразу после Нового года куда-нибудь вместе забуримся!

– Куда? – не понимаю я.

– Есть же какие-то зимние базы! Ну для любителей на лыжах покататься.

– Так там же наверняка дорого, – предполагаю я, но сам уже думаю, как сэкономить деньги на такую поездку.

– Дорого – это близко от Питера, а километров за сто – дёшево! Я точно знаю! Ты поищи, и мы сможем побыть вместе...

Она так смотрит на меня, что становится ясно: девочка жаждет медовых дней. Да я, в общем-то, тоже не против, надо будет озадачиться поисками.

– А твои тебя отпускают?

– Ой, Димочка! Им совсем не до меня. У них в каникулы самая торговля, поэтому они в это время всегда в разъездах. Да и я уже совсем взрослая девочка... Меня прошлой зимой тоже на турбазу отпускали.

Найти полузабытую базу отдыха одного из полуразвалившихся питерских предприятий, находящуюся к тому же почти в ста двадцати километрах от города, мне удалось. В предновогоднее воскресенье даже смотался туда на разведку. Всё оказалось вполне приемлемо – и маленькие строения на три комнаты каждое, с печкой, и возможность попариться в баньке. Одно напрягло – удобства в маленьком домике на улице.

Директор этой базы, он же в зимнее время ещё и сторож, с удовольствием предложил мне заехать уже третьего января и без всякого оформления. Ясно, что при этом наши деньги пойдут ему в карман, только это уже не моё дело. Сумма, в которую он оценил наше пребывание в его владениях, оказалась для меня доступной, поскольку на семейном совете было принято решение о выделении мне на отдых даже несколько больших денег.

После двух тихих новогодних дней, проведённых мной дома с родителями, мы с Викой приехали на базу. Кроме нас, тут, похоже, пока никого. Только в окне самого крайнего домика я увидел свет. На мой вопрос директор базы ответил, что там живёт его помощник, а сейчас истопник. Что это он натопил нам домик.

– Ой, Димочка! В ближайшие пять дней у нас с тобой будет клёвая жизнь! – мне видно, что Вика осталась довольна, осмотрев нашу комнатку на двоих. – Давай соединим кровати!

– Будем играть в мужа и жену? – ехидно спрашиваю я.

– Мы ведь за этим и приехали, мой супермен! – она лезет целоваться.

Что ж... Начало многообещающее!

– Эй, молодняк! – раздаётся за дверью голос одновременно со стуком. – Вы не спите?

Иду открывать. Мы только что пришли с лыжной прогулки и сели поесть. К нам с охапкой дров вваливается парень.

– Привет! – посмотрев на меня и странно улыбнувшись, здоровается он и кивает на стол, где стоит бутылка ликёра. – Замерзли небось в лесу?

– Есть немного, – соглашаюсь я. – Давай, подсаживайся!

– Спасибо, – сваливает дрова у печки и протягивает руку. – Николай! В общем, Коля.

– Дима. А это – Вика. Садись!

– Погоди, сначала вам затоплю, и будет совсем тепло!

Истопнику на вид лет двадцать пять. Лицо его мне кажется знакомым.

В печке приятно потрескивает, по рюмке мы уже пропустили, а я между разговорами ни о чём всё пытаюсь вспомнить, где же я мог видеть этого парня. И вдруг меня осеняет! Конечно же! Это один из тех, которые тогда на меня напали! Мерзкий холодок начинает разливаться от шеи вниз по позвоночнику. Ну и встреча... Стараясь не показывать, что я его узнал, наливаю по второму разу.

– Ты куришь? – опрокинув в себя рюмку, спрашивает Коля. Точно! Это он тогда ножом размахивал.

– Пойдём! – с видимой беззаботностью соглашаюсь я, уже прикидывая, что может произойти дальше.

– Я узнал тебя! – объявляет он, едва мы выходим. – Сразу узнал, как вошёл.

– Я тоже.

Какое-то время молчим. Я напряжённо жду развития событий. Коля слегка пьян, скорее всего ещё перед визитом к нам он уже принял, ведь от двух рюмок нашего ликёра не опьянеешь. В общем, если что-то будет, то это может мне дать дополнительные преимущества.

Какое-то время молчим и просто смотрим друг на друга. Наконец Коля прерывает паузу.

– Судя по тому, что тогда ты во дворе нас сам встретил, тебе уже было всё понятно.

– Конечно! Я же деньги вёз! Сразу всё понял, когда вы за трамваем побежали.

Опять молчим.

– Понимаю... Каждый себя спасает. Я вообще зла не держу, хотя ты мне тогда... Ладно!

В общем, Аркадий тебя недооценил.

Пытаюсь понять, он случайно проговорился или это сказано специально.

– Ты и сейчас у него работаешь? – задаю я ключевой вопрос.

– Не работаю я у него больше... – бурчит Коля, снова затягиваясь. – Аркадий – сука!

Мы с Васькой верили ему... Потом Васька исчез. А меня один друган предупредил, что Аркадий приказал и меня тоже... Я сейчас вообще здесь прячусь. Только если бы нам тогда всё-таки пришлось тебя грохнуть, то потом всё равно грохнули бы и нас. Он следы замечает. Мы с Васькой слишком до хрена знали о его делах... Ты хоть представляешь, сколько в том чемодане бабла было? За такие деньги можно было и десяток таких, как ты, положить. У него такое уже бывало ещё до тебя. Правда, однажды он серьёзно ошибся. Влез в дела другого очень важного человека. Тогда по его приказу нам пришлось грабануть одного пацана, а он был из ближайших к этому человеку. Пацан начал сопротивляться. В общем, завалил его Васька, но я был рядом. Когда выяснилось, кто этот пацан, Аркадий выкрутился... Перевёл стрелку. А с тобой он наверняка рассчитывал, что ты мальчишка-сопляк...

– А откуда такие деньги? – вырывается у меня вопрос.

– У того Стасика, на которого ты работал, был обалденный бизнес. Совсем не то, что теперь. Аркадий через таких же, как он, бывших сидельцев почти разорил его и заставил часть продать своим подставным, якобы чтобы спасти остальное. Но сам-то он хотел всё захватить. Если бы ты не довёз тот чемодан, то так бы и было.

Снова возникает пауза. Сигареты мы уже докурили, и я снова вытаскиваю пачку.

– На! – протягиваю ему.

Берёт и прикуривает. Я тоже.

– Ну и что ты теперь собираешься делать? – спрашиваю его, проникаясь сочувствием.

– Не знаю... – угрюмо бросает Коля, пожимая плечами. – Я знаю, что Аркадий меня ищет. Придётся сидеть тут до посинения. Он страшный человек. Никитос, ну тот мой друган, который меня сюда пристроил к своему дядьке, посоветовал пока не высываться. Правда, его уже месяц тут не было, а так почти каждую неделю приезжал... Даже не знаю, что там творится. Тут же Богом забытый угол. Телефона нет, а до станции аж семь километров. Автобус ходит чуть не раз в сутки.

Да, это правда. Мы с Викой его долго ждали, когда ехали сюда.

– Ладно, пошли за стол! – решаю я, бросив окурок в снег.

– Пошли... – вздыхает он.

Вернувшись за стол, беседуем о том о сём, не касаясь уличной темы. Коля несколько светлеет. Может, от выпитого? Наконец встаёт, собираясь уходить.

– Завтра Степаныч по делам в город уезжает, – с улыбкой сообщает он. – Так что вы остаётесь на моём попечении. Пока будете в лесу, я вам печку натоплю. Придёте в тёплый дом.

Судя по тому, как Вика ходит на лыжах, на эту базу она приехала совсем за другим... Тем не менее мы неплохо провели время в заснеженном лесу и сейчас возвращаемся назад. Лыжня проходит вокруг сплошного старого дощатого забора, окружающего территорию базы. Я оказываюсь у этого забора несколько раньше подружки, и моё внимание сразу привлекают голоса. Говорят довольно громко, и слышно хорошо.

– Всё осмотрел? Никого больше нет?

– Не бойсь! Свидетелей нет. Везде пусто. Ты его кончил?

– Зачем лишний грех на душу брать? Я его связал. Сам сдохнет. Просто сгорит. Поджигай!

Понимание ситуации приходит сразу. Оборачиваюсь, делаю подходящей Вике предостерегающий знак, а сам пристраиваюсь к щели между досками. Она тоже находит подходящую дыру. Вижу чёрный джип «Чероки» и двух молодых мужиков. Один из них бросает в открытую дверь домика, где живёт Коля, зажженную тряпку. Там вспыхивает. Ясно, бензином полили. А он, значит, внутри, связанный. Что же делать?

Оборачиваюсь, вижу Викино лицо и повторяю предостерегающий знак.

– Ну вот... Можно докладывать Аркадию, – удовлетворённо произносит поджигатель. – Поехали! Надо валить, пока никого нет, а то придётся мочить ещё кого-нибудь.

Они быстро прыгают в джип, и машина трогается. Хорошо, что выезд с территории с противоположной стороны, а то бы нас с Викой увидели.

Дом горит, а я жду, пока машина скроется. Потом вышибаю полусгнившую доску, сбросив лыжи, пролезаю в дыру, и бегом туда. Вход полыхает, значит, надо в окно. Пока бью одно стекло, потом второе, открываю раму, мне кажется, что время тянется бесконечно долго, а ведь там находится связанный человек, которого надо ещё в дыму найти!

Потом связанного Колю, который весь в крови, из последних сил вытягиваю в открытое окно. Почему из последних? Потому что дыма наглотался – аж голова кружится. Делаю несколько вдохов относительно свежего воздуха и начинаю спасённого, так и не развязав верёвки, тянуть подальше от пожара. Потом развяжу. В более безопасном месте.

Хорошо, что Колин домик стоит, вернее, стоял, несколько поодаль от других. Слава богу, огонь не перекинулся. Ещё и сильный мороз помог. Летом бы точно вся база выгорела. Развязываю на Коле верёвки, тру его лицо снегом... В общем, пытаюсь его привести в чувство, ведь он-то дыма наглотался куда больше, чем я.

Уф... Наконец открыл глаза.

– Ну что, жив? – и сажаю его.

– Спасибо...

Похоже, ещё не до конца пришёл в себя. Озирается с каким-то странным взглядом.

– Всё в порядке. Они уехали, – ввожу его в курс дела.

– Надолго ли? – усмехается Коля и смотрит на меня всё тем же странным взглядом. – Вот как бывает... Я тебя тогда хотел... А ты меня... вот так. Спасибо... Сегодня мой второй день рождения.

– Вставай! За это можно и выпить. У нас ликёр ещё остался.

– Лучше бы водки.

Только сейчас вспоминаю про Вику. Что-то её не видно. Одновременно жуткая мысль приходит мне в голову: если она кому-то вдруг сдаст о том, что она сейчас видела...

Аккуратно поддерживая, ввожу Колю в наш домик. За нашими спинами догорает его жилище.

– Дима! Я сейчас же отсюда уезжаю! – встречает нас Вика в нашей комнате. – Лучшего места, чем это бандитское гнездо, ты выбрать не мог! Придурок!

Я её ещё такой не видел. Поджатые губки, злые глаза... Её даже не волнует, что я с полуживым Колей.

– Ты мои лыжи не захватила? – стараюсь быть спокойным, интересуюсь я.

– Делать мне больше нечего, как за тобой твои шмотки таскать! Многого хочешь! Мало того что завёз в эту глухомань, так ещё и такие приключения! Дрюнечка меня с комфортом размещал. Надо будет ему рассказать...

Последствия такого рассказа сыну заказчика этого приключения мне сразу же становятся понятными.

– Знаешь, милая, – хватаю её за руку и смотрю прямо в глаза, – если ты, не дай бог, расскажешь о том, что сегодня тут увидела, хоть кому-то, а тем более Дрюне, то та парочка, которая была здесь, в следующий раз может посетить либо тебя, либо меня. И сделает то же самое! Мы с тобой видели убийство. Это не важно, что Коля остался жив. Они думают, что он сгорел. То есть они его убили, а мы с тобой – свидетели! Тебе надо объяснять, что делают со свидетелями убийств?

С удовольствием наблюдаю, как меняется её лицо. Вроде поняла. Я и раньше не строил особых иллюзий относительно того, что за девчонка Вика, но теперь...

Коля, уже сидя на стуле, молча присутствует при нашей сцене.

– Слушай, а как ты собираешься отсюда уезжать? – интересуюсь я и ехидно добавляю: – Можешь поторопиться и бегом догнать джип. Парни тебя прихватят с собой. Правда, куда они тебя отвезут, я не знаю. Скорее всего, грохнут и сразу же закопают.

Она молча подходит к окну и смотрит на открытые ворота, которые хорошо видны.

– Всё равно ты – придурок! Втравил меня в такую историю! – заявляет уже другим тоном она, наконец повернувшись. Истерика, кажется, закончилась.

– Ну втравил так втравил. Есть мы сегодня будем? – если мы до сих пор играем в мужа и жену, то пусть поработает!

Вика медленно начинает собирать на стол.

Едим мы тоже молча. Вторую и последнюю бутылку ликёра, который мы привезли с собой, приговорили полностью.

– Димон, я твой должник... – тихо выговаривает Коля, когда мы выходим вместе покурить. Интересно, что он назвал меня так же, как Дэн. – Если бы не ты...

Молчу. Надо же, как прихотливо складывается жизнь... Кто бы мог подумать!

– Тебе надо опять куда-то прятаться, – перевожу я разговор на другую тему.

– Думаешь, она разболтает? – он кивает в сторону домика.

– Побоится, – и добавляю: – Надеюсь. Но тебе точно надо менять жительство.

– Да, Аркадий в тебе сильно ошибся... Ты совсем не пацан!

– Он меня уже к себе на работу приглашал, – усмехаюсь я.

– Не будь дураком!

– Не буду. Я отказался.

* * *

В школе Вика, конечно, похвасталась Оленьке, и не только, какие сладкие пять дней она провела со мной на каникулах. Это я от Дэна узнал. Напряжённо пытаюсь понять, выпустила ли она язык дальше. Но после её рассказов чувствую некоторую зависть своих одноклассников. Некоторые из них, особенно Мишка с Вадиком, даже пытались выяснять у меня совсем уж интимные подробности. Пришлось резко отшить. Почему-то мне стала интересна реакция Алёны на все эти рассказы, но там, как всегда, полное спокойствие.

Коля остался пока там же, на базе. Мы с ним детально обсудили случившееся и решили, что для всей компании Аркадия Михайловича он уже не существует, а значит, всё-таки можно по-прежнему сидеть там и пока не высовываться. Попрощались мы с ним почти по-дружески. Может, когда и встретимся?..

Дома я ни о чём таком, что могло бы встревожить родителей, рассказывать не стал. А вот Станиславу Ивановичу всё-таки рассказал, и то для того, чтобы он узнал, кто его разорял с самого начала. Рассказ про Аркадия Михайловича он воспринял спокойно, а когда я поведал про покушение на Колю, про то, с кем я проводил время на той турбазе, сильно обеспокоился! Знал бы – не рассказывал. Он очень долго молчал, всё ходил из угла в угол по своему кабинету, то внимательно смотря себе под ноги, то бросая тревожные взгляды в мою сторону. Потом,

положив мне руку на плечо и глядя прямо в глаза, как тогда, в первый раз, будто заклиная, попросил быть всегда и везде предельно внимательным и осторожным, а также сразу сообщать ему обо всех подозрительных случайностях. Я всё понял. А что тут ещё можно поделывать? Если Вика всё-таки проболтается Дрюне, то и моя, и её участи одинаково незавидны. Собственно, на это весь расчёт. С ней у нас отношения после нашей поездки немного охладились. Делаю вывод, что я, несмотря на все амуры, оказался для неё парнем не с той полки, хотя по тому, как всё началось, эти выводы можно было сделать и раньше. Да и ладно! Мы с ней любовными утехами только удовлетворяем свои потребности. Никаких суперромантических чувств. Это факт!

Мы с Ромкой объединили усилия для постижения наук. Осталось всего полгода до вступительных экзаменов. Ясно, что по доходам наших семей нам надо пробиваться в университет на бюджетное обучение. Платить за нас некому. Спасибо Татьяне Михайловне за мощную подготовку по математике! Она нам такие варианты вступительных экзаменов приносит, что разбираться в них нам приходится вдвоём.

Вообще Ромка – хороший парень, только как будто живёт в другом мире. Он типичный отличник и где-то маменькин сынок, держится несколько обособленно: сказываются прежние времена, когда Дэн и его свита не боялись над ним издеваться. Ну ничего! Может, со временем и оттаёт...

Часть 3

Единственная

Сегодня, в субботу, мы с классом поехали кататься на лыжах за город.

Поехал, конечно, не весь класс. Ромка, например, не поехал, поскольку на лыжах не стоит, Дэн с Оленькой тоже отказались. В результате собралась компания из всех слоёв нашего общества. День выдался просто прекрасный, солнечный. Всё было очень по-простому – веселились, хохмили... Даже Вика на некоторое время перестала строить из себя принцессу и язвить по адресу других девчонок.

То, что случилась неприятность, поняли только тогда, когда собрались уезжать. Оказалось, что нет Алёны. Я понял, что она очень неплохая лыжница и старается кататься отдельно, как всегда – сама по себе, но было назначено время сбора, чтобы уехать всем вместе. Все собрались, а её нет.

– Ну, что будем делать? – спрашиваю я, поскольку понимаю, что все ждут, что скажу именно я. Это, наверно, потому что я старше.

– Что делать, что делать! – хмыкает Вика. – Ничего с ней не случится. Здоровая девка – сама приедет.

– Да... Скоро электричка...

Вадик при этом ковыряет ботинком снег.

– Да ладно, ребята! Действительно! Сама доберётся! Спортсменка ведь! – решительно говорит Антон, один из компании Дэна, и поворачивается к своей пассии. – Танюха, пошли!

– Да, пошли! Чего тут! – Мишка тоже делает шаг. – Она, небось, уже дома чай распивает! А мы тут, как дураки!

Он всегда посматривает на большинство, но особенно на Антона и Дэна.

Вот сволочи! Неужели бросят?

– По-моему, надо искать, – говорю я и снова надеваю лыжи.

– Ой, Димочка! Чего героя-то корчить? – смеётся Вика. – Поехали лучше домой!

Понятно! Ведь мы договаривались, что после лыж едем к ней.

Остальные просто переминаются с ноги на ногу. Болото – оно и есть болото. Чёрт бы побрал Алёнку! Придётся портить отношения, но я бросить человека не могу.

– Как хотите! Я иду её искать! – объявляю я. – А вы можете сваливать!

– Ой, Димочка, смотри, не влюбись! – снова ехидно смеётся Вика. Ясно, что она ревнует.

– Ой, не могу! Герой! Бэтмен! – ржёт Мишка, предварительно бросив взгляд на уже идущих к платформе.

Ну это уже слишком. Вика – это чёрт с ней! Пошла она! Но этот...

– Миха! Ты у меня когда-нибудь допросишься! – кричу я и резко толкаюсь палками.

Быстро бегу по лыжне, смотря по сторонам. Может, Алёнка свернула куда-нибудь? Точно, вот лыжня разветвляется! Похоже, действительно один кто-то прошёл... Может, срезать хотел? Надо проверить. Сворачиваю... Точно, один человек шёл, снег почти не умят. Так тяжело идти по такой лыжне! Ой, вон что-то впереди тёмное. Чёрт, уже смеркается... Дни такие короткие! Точно – Алёна! Сидит... и лыжа сломана.

– Вот я тебя и нашёл! – облегчённо улыбаюсь я.

– Дима?

– Семнадцать лет как Дима... Что у тебя?

– Лыжа сломалась, – тихо говорит она, – и что-то с ногой... Наверно, вывих...

– Дай посмотрю, – приседаю я на корточки, прямо стоя на лыжах.

Не получается. Приходится снимать. Алёна молчит и только смотрит на меня.

– Какая нога?

– Правая...

– Понятно... Толчковая... – и добавляю: – Это я так шучу.

– Ага...

Вижу, что она напугана, и видно, что нога болит сильно. Чего тут почти что в темноте разглядишь?

– Вот что! – решаю я. – Надо идти, а то совсем стемнеет. Тут пять километров, недалеко. Хотя что значит «недалеко»? Это для здорового недалеко, а тут...

– Я могу на одной... – тихо говорит Алёна и пытается встать. – Ой!

– Понятно... Давай вместе.

Осторожно её поднимаю. Она держится за меня и так смотрит!.. Кое-как ставлю на оставшуюся лыжу. Теперь и я... Трогаемся. Я на двух лыжах, держа Алёну за талию одной рукой, Алёна на одной, а палками мы отталкиваемся с двух сторон, иногда останавливаемся отдохнуть. Двигаемся, конечно, очень медленно.

– Дима, тебе не очень трудно? – спрашивает она на одной из остановок.

– Ничего. Ты сама-то в порядке?

– Ага... Пошли...

Она всё время так на меня смотрит! Ох, эти глазищи...

Уф... Добрались до станции. Последние метры почти нёс Алёну на руках. Да ещё и лыжи!

Ну вот! Последняя электричка, конечно, ушла!

– Ой, Дима... Что же будет?

– Что будет! Попытаемся позвонить твоим, ну и моим, отсюда, чтобы не беспокоились.

Жди здесь.

Сажаю Алёну на скамейку и иду на поиски кого-нибудь. Нахожу тётку со станции.

– Извините... Мы опоздали на электричку, а у девчонки что-то с ногой... Можно нам как-нибудь позвонить домой, предупредить?

– Ох уж мне эти лыжники! – вздыхает она. – Ну пошли. Где там твоя девочка?

– Сейчас!

Бегу к Алёне.

– Идём звонить! – и беру её на руки.

Она обнимает меня за шею... Неужели я вздрогнул? Вношу её в комнату с телефоном и выхожу. Неудобно как-то! Странно, но я не могу себя вести с ней, как с другими... Вот, стою на улице и курю.

– Эй, парень! – открывается дверь. – Забирай свою красавицу!

Вхожу.

– А что с ногой-то?

– Не знаю... – выдавливает Алёна.

– Снимай! – командует тётка.

Начинаем снимать с Алёниной ноги ботинок. Бедная. Видно, что ей больно, но терпит и не кричит! Нога в голеностопе распухла и слегка посинела.

– Ой, милая! Да у тебя растяжение! Я ведь фельдшером была когда-то. Погодите-ка, я сейчас.

Роемся в аптечке и после этого плотно бинтуем голеностоп. Алёна морщится, но терпит.

– Ну вот... А где вы собираетесь ночевать?

– Не знаю... – бормочу я. – Может, кто-нибудь Алёну пустит. Я попрошу... Деньги есть...

А я и на улице могу.

– Орёл! – насмешливо говорит железнодорожница. – Деньги у него есть! Пойдёмте, у меня в дежурке топчан есть. Только тебе, красавец, придётся на стуле спать. Там место только для одного.

– Конечно! Спасибо! Главное, Алёну устроить!

– Ладно. Пошли! Неси своё сокровище! – она по-доброму усмехается.

В дальней комнате дежурки действительно стоит топчан. Осторожно сажаю на него Алёну.

– А ты – вот на стул сядешь.

– Спасибо вам!

Я так благодарен этой женщине! Скатываю свою куртку и кладу под Алёнину голову.

– Спасибо, Дима...

Ох, как она на меня смотрит! Просто обалдеваю...

– Ну ладно. Спите! У меня дела ещё есть, – ворчит железнодорожница. – К первой электричке разбужу.

– Спасибо! Только можно я тоже своим в город позвоню?

– Ну давай, пошли!

Предупредив тётю Тоню, поскольку папа в рейсе, возвращаюсь в комнату с топчаном.

Сажусь на стул. Как хорошо! От усталости сразу хочется спать. Алёна, кажется, уже спит.

– Дима...

– Что? Что-нибудь надо? – вскидываюсь я.

– Иди... сюда. Я подвинусь...

– Спи давай!

– Ну, Дима... Иди... Я уже подвинулась. Ну пожалуйста, Дима, сядь рядом.

Чёрт знает что! Я стесняюсь и не знаю, что делать... Естественно, я не боюсь лежать рядом с девчонкой, но ей же тесно будет! А если я ещё задену больную ногу?

– Дима...

Сажусь на край топчана.

– Ложись... – шёпотом говорит Алёна и тянет меня.

Осторожно пристраиваюсь спиной к ней.

– Повернись... – шепчет она в ухо.

Поворачиваюсь. Я чувствую дыхание на лице, где-то рядом её губы... Но не буду же я этим пользоваться!

– Дима...

– М-м... – мычу я.

– Спасибо тебе...

– Не за что... Спи давай...

Ох... Алёнина рука опять обнимает меня за шею и... её губы касаются щеки!

– Да ладно...

Я так смущаюсь! Даже с Машей не испытывал такого смущения. Но топчан узкий, и чтобы мне не упасть, приходится всё-таки обнять её за талию.

Ох, как она прижалась! Не могу-у... Касаюсь губами её лба...

– Спи... Ну спи, Алёнушка... – тихо выговариваю я и просто захлёбываюсь от нежности.

– Димочка...

– Спи... – и опять касаюсь её лба губами.

Звоню в дверь Алёниной квартиры. Открывают сразу.

– Ой, Алёна! – конечно, это её мать, но такая молодая! И как же они похожи! Она всплещивает руками.

Заношу Алёну и сажаю в кухне на табуретку.

– Мама! Это Дима меня нашёл в лесу. Он всю дорогу меня нёс на руках... Он устал.

Накорми его, пожалуйста!

– Спасибо тебе, Дима!

Мамаша, посмотрев на меня, жарко обнимает и чмокает в щёку.

– Да ладно... – даже смущаюсь.

– Значит, так! – начинает она распоряжаться. – Вы, конечно, замёрзли в лесу, поэтому тебе, Дима, надо согреться. Алёне я не предлагаю, она девочка, а ты – мужчина!

На столе уже коньяк, рюмки и закуска.

– Ну давай, Дима! Для тепла и за знакомство, – поднимает свою рюмку Алёнина мать. – Меня зовут Валерия Сергеевна, а поскольку в нашей театральной среде всех называют просто по именам, то просто Лера.

Тоже поднимаю свою рюмку. Это действительно кстати. Нас кормят, да ещё и выпить дают! Так стало хорошо, тепло...

– Ладно. Спасибо... – я наконец встаю. – Я пойду... Домой надо.

– Твой-то тоже, наверно, беспокоятся?

– Да я их тоже по телефону предупредил. Так что не очень беспокоятся. До свидания!

– Ты молодец, Дима! В тебе чувствуется настоящий мужчина! – и Валерия Сергеевна заботливо застёгивает на мне куртку. – Ты к нам заходи. Мы будем тебе всегда рады.

Ох, как Алёна на меня смотрит! Не могу-у...

Понедельник в школе.

– Ну что? Как закончились поиски? – ехидно спрашивает Антон, едва я прихожу в класс.

– Расскажи, расскажи! Нам же интересно! – хихикает Вика. Ясно, что она не прощает сорванного свидания.

– Она ногу подвернула и лыжу сломала. Пришлось её нести до станции, – отрезаю я. – Но это, Антоха, не для слабаков, как ты с Мишкой.

Становится тихо. Ловлю на себе взгляд Дэна. Неужели завидует?

– Надо было и нам ехать, – недовольно пыхтит он, бросая взгляд на Оленьку. – Мы с тобой, Димон, вместе быстрее бы её нашли.

Понятно, что после совместного воспитания обидчиков его брата он зауважал меня особенно сильно.

– Да ладно! Главное, что она не осталась в лесу. Так что всё нормально! – и занимаю своё место рядом с Ромкой.

* * *

– Димочка... А что всё-таки будет, если узнают, что мы там всё видели? – сонно интересуется Вика, прижимаясь ко мне. Всё-таки уговорила меня зайти в гости! Судя по тому, что спрашивает, это её волнует, а раз волнует – значит, боится.

– Что будет? Сама так и не поняла? – бурчу я и снова объясняю: – Приедут эти два недобрых молодца и грохнут и меня, и тебя. Мы же свидетели!

– А как они могут узнать? – следует ещё один идиотский вопрос.

Лежу и решаю, сказать ей про Дрюню или нет. Конечно же, нет!

– Запомни! Они всё могут!

– Получается, что мы теперь с тобой связаны одной страшной тайной, – смеётся она. – Это знак! Только я всё равно не понимаю, как они смогут узнать про нас.

– Элементарно! Ты скажешь кому-то, этот кто-то скажет ещё кому-то, ну и поехало!

– Так не бывает. И вообще, ты что – испугался? – теперь это звучит насмешливо. – На тебя это не похоже.

– Иногда надо быть осторожным, – объясняю я и понимаю, что на этот раз, кажется, серьёзно вляпался. Ну и дура же Вика! А я попал в зависимость от неё и от её слов и действий.

А может, она совсем не дура, а просто ещё не пуганная жизнью? Я-то летом получил отличный урок, не пожелаю никому.

Сам не знаю, что со мной происходит после случая с Алёной. Всё время думаю только о ней. Смешно, но даже когда был с Викой, то думал про Алёну. А её все нет. Я беспокоюсь, что там с ней? Но решиться пойти в гости не могу. Стесняюсь. Да! Я стесняюсь!

А какие у неё глаза... Такие ласковые... Обалдеть!

И вообще, что это со мной? Иногда, когда я вечером сижу в офисе у Станислава Ивановича и выполняю оставленные Маргаритой Петровной задания, то так хочется, чтобы Алёна меня увидела, какой я занятой и серьёзный, как тут работаю. Почему-то хочется, чтобы она знала, что я совсем не такой, как остальные пацаны в классе, у которых на уме пока только всякие, с моей точки зрения, детские увлечения.

Странно, но порой, глядя на своих одноклассников, я думаю о том, что они ещё совсем дети. Даже Дэн, который за счёт своих габаритов пытается казаться взрослым. Да! Я чувствую себя гораздо взрослее. Может, это из-за того, что я на год старше? Или это следствие того прессинга, под которым я находился у своей мамашки? Собственно, сам прессинг, наверное, ни при чём. Скорее, тут всё дело в её отчуждённости, продиктованной желанием любым способом обеспечить себе комфортную жизнь. Наверное, именно это приучило меня многое решать самостоятельно, стараясь не привлекать к этим решениям мамашу, чтобы тем самым не вызывать у неё новых приступов раздражения. Парадокс, но если это так, то мне есть за что её благодарить.

Да! Без Алёны мне скучно! Вернее, мне просто грустно без неё! Я хочу её видеть! Мне её не хватает, и вообще мне она... очень нравится!

Решился и иду к ней в гости. Несу цветы. Хочется её увидеть, а она уже две недели болеет! С ногой, видно, не всё ещё в порядке.

Вот и дверь. Звоню.

– Кто там?

Это голос Алёнки!

– Дмитрий...

Замок щёлкает, дверь открывается... Прячу букет за спину... И она!

– Дима...

– Вот... пришёл проведать. Это тебе...

– Димка...

Алёна порывисто обнимает меня за шею, чмокает в щёку и утыкается лбом в плечо. Осторожно её слегка обнимаю. Кажется, дрожу...

Стоим...

– Пойдём в комнату, – шёпотом говорит она. – Мама на работе. Я сейчас сварю кофе... и цветы поставлю.

Ещё хромает...

– Я не кофе пить пришёл, – бурчу я. – Хотел узнать, как ты...

– Димка...

– Что?

Опять бодает моё плечо.

– Какая я дура...

– Почему?

– Я всегда говорила, что ты хоть и симпатичный, но самоуверенный и противный бабник...

– А я и есть такой.

– Нет... Ты хороший...
Её губы сейчас так близко... А я даже не знаю, что делать. Стесняюсь! Не Вика же!
Осторожно опять касаюсь лба губами. Рука Алёны по-прежнему обнимает за шею.
Стоим... Я просто сам не свой.
– Ладно... Ты, наверно, должна лежать, а я тут... мешаю...
– Не должна! Мне врач разрешила немножко ходить.
– Ничего себе! Это называется немножко! Давай, быстро иди ложись! – командую я, –
А я рядом посижу.
– Правда?
– Правда.
Ложится на диван. Сажусь рядом. Мне почему-то так хорошо! Беру её за руку...
– Дима... Скажи честно...
– Что сказать честно?
– Почему ты пошёл искать меня один?
Даже не знаю, как ответить. Я не могу всех ей заложить. Молчу.
– Честно скажи!
– Ну... Просто я самый сильный... Видишь какой? – и напрягаю бицепс.
– Понятно... – тихо говорит Алёна. – Остальные пошли за Антоном...
Как она догадалась?
– Мне Таня звонила. Всё рассказала...
Вот Татьяна даёт! Так своего парня сдать! Молодец! Такого гада...
– Ну а что тогда спрашивать! – фыркаю я. – Проверяешь?
– Дурак!
– Прости...
Она кладёт мою руку себе под голову. Молчим. Как она смотрит на меня!
Мне так хочется её поцеловать! Но... стесняюсь! Не могу ничего с собой поделаться!
Эта хрупкая и одновременно сильная девчонка так мною завладела! И я... этому рад.
– Алён... Я, наверно... пойду...
– Можно, я всё-таки сварю тебе кофе? – вдруг жалобно спрашивает Алёна, приподнимая
голову от подушки, и я понимаю, что она очень не хочет, чтоб я уходил.
– Можно, если я тебя отнесу, – улыбаюсь и беру её на руки.
– Димка... – она обнимает меня за шею.
Балдеж! Её голова лежит на плече, а волосы так приятно пахнут...

После визита к Алёне хожу сам не свой. На Вику смотреть не хочется. В школе, конечно, общаемся. Даже дал ей списать математику. Только на всё остальное, на что она усиленно намекает, как будто кто-то наложил запрет. Просто не хочу.

Если сравнивать Алёну и Вику, то какие же они всё-таки разные! Тихая и простая Алёна – и вечно что-то из себя строящая Вика. Тут и говорить нечего.

Снова звоню в дверь Алёниной квартиры. Цветы уже не прячу за спиной, как в прошлый раз.

– Дима!

Она опять на меня так смотрит!

– Алён, прости... соскучился, – признаюсь я.

– Димка... – она опять бодает моё плечо, а я её опять обнимаю.

Потом мы сидим в её комнате, и творится что-то странное. Я держу её руки в своих, смотрю на неё и молчу. Она тоже молчит и смотрит на меня. Говорить мне совсем не хочется. Ей, наверно, тоже.

– Знаешь, я всё время... – наконец пытаюсь начать разговор, но она вдруг ладошкой закрывает мне рот.

– Я тоже всё время думаю о тебе... – шепчут её губы. С удивлением понимаю, что именно это и хотел сказать. Она будто прочла мои мысли!

– Алёнушка... – и начинаю целовать её руки. Я ещё никогда этого не делал! Мне всегда казалось странным, когда женщине целуют руки, а сейчас от этих касаний губами я получаю такое удовольствие! Поднимаю на неё взгляд и вижу распахнутые глаза. Она удивляется? Сразу становится неудобно от своего порыва, и я бормочу:

– Прости...

– Димка... Какой ты...

Она снова утыкается лбом в моё плечо, а я прижимаюсь щекой к её волосам, вдыхая запах, которым теперь уже грежу. В голове бьётся мысль о том, что в свои семнадцать, успев получить приличный опыт общения с женщинами, я ненароком пробежал мимо чего-то очень важного, очень для меня значимого. Мимо того, что можно просто убить лишь одним поцелуем или, упаси бог, каким-то лишним прикосновением.

* * *

В понедельник перед первым уроком, сидя в классе, мы с Ромкой просматриваем решения тех задач, которые на предыдущей неделе нам дала Татьяна Михайловна. Мы с ним решаем параллельно дома, а потом сравниваем решения. Я знаю, что Алёна должна сегодня прийти в школу, и постоянно перевожу взгляд с тетради на дверь. Я её жду!

Ну вот... Пришла! Я вижу, как она, остановившись в дверях, кого-то ищет глазами... Она ищет меня! Встаю и иду к ней. Алёна улыбается и идёт мне навстречу.

– Привет... – неуверенно здороваюсь я.

– Здравствуй, Дима!

– Ну, как твоя нога?

– Уже не хромаю, так что всё в порядке! Спасибо...

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга. Конечно же, на нас тоже смотрят! Ну и пусть!

На первой же перемене подруливает Вика.

– Ну что? Встретил? – ехидно спрашивает она.

– Встретил, – пожимаю я плечами. – Тебе-то что?

– Да так... Ничего! – усмехается и отходит.

Неужели всё правильно поняла? Говорят, что женщины очень чувствительны к изменению отношения к ним мужчины. В конце концов, почувствовала, да и ладно! Пора мне с ней заканчивать.

Весь день у меня наблюдается сплошной нервяк. Я не знаю, как вести себя с Алёной в школе. Неожиданно мне в голову приходит мысль о том, что поскольку всё оказалось слишком прозрачным, то мои школьные недоброжелатели могут всю свою «любовь» ко мне выместить на ней. Значит, я должен это учитывать и найти правильное поведение. От приглашения Вики зайти к ней на пару часов, отказался, сославшись на необходимость срочно выйти на работу. Не могу я быть с ней после того, как держал в своих руках Алёнкины и целовал их. Не могу! Это будет предательством.

Вика, услышав мой отказ, опять усмехнулась и отошла. Теперь я уверен, что она всё поняла правильно. Хорошо, что до открытого выяснения отношений пока ещё не дошло.

Открыв дверь в свою квартиру, пропускаю вперёд Алёну.

– Заходи. Мои все в отсутствии. Отец в рейсе, а тётя Тоня на работе.

Посмотрев, как Алёна у доски изрядно плавает при решении примера по математике, предложил ей помощь. Она согласилась, и мы пришли ко мне заниматься. Я предложил ко мне, а не к ней, потому что дома чувствую себя увереннее. Да и её мать относится ко мне как-то странно. Даже не могу охарактеризовать этого отношения. Да, признаюсь: у Алёны становлюсь каким-то стеснительным, а преподаватель таким не должен быть. Я же сегодня собираюсь быть преподавателем!

Уже час с лишним сидим с Алёной и решаем разные задачки. Я понимаю, что математика ей в дальнейшем вряд ли понадобится, ведь она собирается в университет на филологический, но экзамен-то ей сдавать всё равно придётся.

– Ну что? Устала? – осторожно спрашиваю я.

– Нет... Ты так хорошо объясняешь! – она внимательно смотрит на меня, и так хочется её обнять! Но сегодня мы должны только заниматься. Я не могу допустить даже мысли о всяких... ласках.

– Ну ладно. Тогда ещё вот этот пример возьмём... Понятно, что тут надо делать?

– Угу...

– Ты давай решай, а я пойду кофе нам сварю.

– Давай я?

– Сиди, решай!.. Я сам.

Ох, как она на меня опять посмотрела...

Приношу две чашки с кофе.

– Ну как?

– Вот... – она поворачивает ко мне свою тетрадь.

Внимательно проверяю решение.

– Молодец! Всё правильно.

– Я очень старалась, – улыбается Алёна и пробует мой кофе.

– Ну что? А я экзамен сдал? – интересуюсь я.

– Ты тоже молодец. Вкусно. В джезве с сахаром варил?

– Угу... Я всегда так.

Она делает ещё один глоток.

– Дима... А у тебя с Викой было серьёзно?

Это вопрос, который должен был прозвучать. Мы же с Викторией совсем не скрывали своей связи. О ней знали и парни от Дэна, и девчонки от Оленьки. Да и сама Алёна после первого же раза услышала об этом от самой Вики. Тем не менее к нему я оказался не готов, а когда я не готов, то стараюсь не юлить и говорить правду.

– Алён... Я правду тебе скажу, – говорю эти слова и вижу в её взгляде явное напряжение. – У меня с ней был неоднократный секс, и только. Но и этого больше не будет, – и у меня вырывается: – Я обещаю!

– Димка... – проводит ладонью по моей щеке, а я пытаюсь поймать губами её пальцы. До меня доходит, что только что я почти признался...

– Ладно, – спохватываюсь я. – Давай продолжим, если не возражаешь.

– Давай... – и мне кажется, что она вздохнула.

После занятий провожаю Алёну домой. У парадной стоим и прощаемся.

– Ну ладно... Мне на работу пора, – бормочу я. Она знает, что я вечерами работаю.

– Дима... Спасибо тебе, – поднимется на цыпочки и целует меня в щёку. – А мы ещё будем заниматься?

Её интонация кажется мне забавной, и я улыбаюсь.

– Если захочешь – будем.

– Я очень хочу! – слишком торопливо отвечает Алёна и снова чмокает меня в щёку.

Не выдерживаю. Обнимаю её и прижимаю к себе. Стоит тихо, как мышка. Наконец отпускаю...

– Ну пока!

– До свидания...

– Ты что, запал на Алёнку? – интересуется в школе Дэн, у которого в отношениях с Ольгой явно настал кризис.

Вопрос мне кажется странным, поскольку я старался не обсуждать ни с ним, ни с кем бы то ни было свои отношения с девочками. Поэтому я молча пожимаю плечами. Уж если Дэну это ясно, то остальным подавно.

– Димон, я спрашиваю не потому, что хочу, чтобы ты что-то рассказал, – миролюбиво поясняет он. – Просто Вика поняла, что она в отставке, разозлилась и, кажется, готовит тебе какую-то козу.

– Откуда узнал? – непроизвольно вырывается у меня, поскольку понимаю: единственно, чем она мне может многое в жизни испортить – это рассказать Дрюне про наши каникулы. Я этого реально опасуюсь, ведь куда это может протечь дальше, понятно. Это будет большая беда.

– Она Ольге сказала, что ты ещё пожалеешь о том, что её бросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.